

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 23-24 (451-452)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 2 долл., за ½ г. — 1 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конг. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

25 Декабря 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Д. Новый Год и «новый мир».
Р. Абрамович. Внешняя политика советского правительства и Балтийский узел.
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух).
С. Шварц. Ответственность за Польшу.
Г. М. Балтийский узел (окончание).
В. Александрова. Эмигрантская радуга.

С. Ш. Нападение на Финляндию.
Андре Мартен. «Господин Куусинен».
Г. Визер. Еще не все ноябри миновали!
Из партии: В защиту Финляндии.
Съезд Норвежской Рабочей Партии.
Указатель за 1939 год.

Фельетон: Б. Николаевский. Сталин и Гитлер в последние дни августа 1939 г.

Extrait du sommaire: Articles de Th. Dan sur le Nouvel An et le « nouveau monde » et « Au tonnerre des canons » (Pensées parlées); de R. Abramovitch sur la politique extérieure de Staline; de G. M. sur les problèmes Baltiques; de S. Schwarz sur l'occupation de la Pologne; de B. Nikolaievsky sur la collusion stalino-hillérienne en août 1939; de V. Alexandrova sur les répercussions de la politique stalinienne en émigration russe. — Notices sur les événements en Finlande; sur la biographie politique de Kuusinen; etc. — Sommaire pour l'année 1939.

Ф. Д.

Новый Год и „новый мир“

Прошло ровно четверть века, и Европа снова встречает Новый Год, обнятая пламенем войны, охватывающим все новые территории ее и грозящим перекинуться на весь мир.

Война 1914—18 годов велась победившею в ней коалицией под знаменем борьбы за демократию, за самоопределение и интернациональное сотрудничество народов, во имя утверждения прочного мира на этой триединой основе. Эти «цели войны» были, в основных своих чертах, победителями осуществлены. Как критически ни оценивать Версальский и другие послевоенные договоры, нельзя не признать, что непосредственным результатом войны оказалось крушение абсолютистских и полу-абсолютистских монархий в Европе и широкое распространение республиканского и демократического государственного строя; создание и воссоздание ряда независимых национальных государств и практическое осуществление различных форм политической и культурной национальной автономии; возникновение первого, хотя бы зачаточного и несовершенного, международного парламента — Лиги Наций.

И все-же война 1914—18 гг. не оказалась «последней», как мечтали о том романтики победы. Со дня ее

завершения почти ни одного уверенно-спокойного дня не знали ни Европа, ни другие части земного шара, а ныне и тот шаткий, полный тревожных предчувствий полу-мир, в котором они прозябали, снова ушел в прошлое. Более того: рухнули все три устоя, на которых должен был неизбежно держаться мир. Новорожденная демократия сменилась для большей части европейского материка режимами, достигающими в своей тиранической «тоталитарности» пределов, о которых и мечтать не смела самая абсолютная до-военная монархия; возрожденные к государственной независимости нации и огражденные в своих правах национальные меньшинства оказались в большинстве своем в новом порабощении, по сравнению с которым старый национальный гнет представляется царством национальной свободы; Лига Наций, продемонстрировав свое бессилие во всех случаях, когда для спасения демократии, национального самоопределения, мира требовалось действительное сотрудничество народов, стала все больше терять свой универсальный характер и погружаться в дремоту.

Можно с полным правом сказать, что мир оказался непрочным именно потому, что оказался непрочным фундаментом, на котором он был построен: ни демокра-

тия, ни национальное самоопределение, ни международный парламент не выдержали и двух десятилетий после-военного испытания. Почему?

Можно, конечно, сказать, что самые принципы демократии, национального самоопределения и свободного международного сотрудничества, которые были формально положены в основу мирных договоров 1918—1919 года, никуда не годны. И имеются, конечно, не раскаянные и ничему не научившиеся священнослужители кулака, отрицающие применимость этих принципов в международных отношениях и полагающие, что по окончании нынешней войны прочный мир может и должен быть обеспечен «тоталитарным» насилием над раздавленным врагом: горе побежденным! Спорить со сторонниками таких взглядов здесь, разумеется, не имеет смысла. Да к тому же в странах анти-гитлеровской коалиции эта чисто гитлеровская концепция «мира», если и находит себе подчас место в писаниях тех или иных публицистов, то не получает никакого выражения в официальных высказываниях о целях войны. Наоборот, официальные заявления самых ответственных французских и английских государственных деятелей определенно подчеркивают, что в основу мира должны быть положены те самые идеи, которые пытались, хотя и безуспешно, осуществить договоры, закончившие прошлую войну, и действительное осуществление которых, по выражению Поля Бонкура («Пари-Суар», 16 октября), «освободило бы не только народы, раздавленные Германиею, но и самое Германию», сделав ее равноправною участницею того международного сотрудничества, которое должно будет организовать политическую и экономическую жизнь народов для их общего и одинакового блага.

И характерно, что эти идеи кладут в основу программы будущего мира политические деятели, представляющие разные и даже как будто полярно противоположные социальные силы. Утверждение принципов политической, национальной, религиозной и т. д. свободы, как внутри каждого отдельного государства, так и в межгосударственных отношениях; отказ от доли суверенитета в пользу интернационального учреждения, призванного охранять свободу, независимость, равноправие всех государств, больших и малых, распределять между ними сырье, регулировать экономические и политические отношения между ними и всем этим ограждать незабываемый мир; — по существу эту самую программу в разных вариантах отстаивают и выдающиеся представители английского и французского рабочего движения, и, напр., публицисты «Таймс», консервативного органа Лондонского Сити.

О принципах, положенных в основу этой программы, можно лишь сказать, что они превосходны, и что их практическое осуществление действительно могло бы сделать мир не редким даром судьбы, а прочным достоянием человеческого общества. Но весь вопрос в том именно и заключается, как же осуществить эти прекрасные идеи лучше и с более прочными результатами, чем то удалось двадцать лет тому назад. И это, разумеется, вопрос не организационной техники, не лучше придуманных параграфов конституций или устава Лиги Наций, не удачнее проведенного государственного размежевания отдельных народов. Это — вопрос о социально-политических причинах крушения того фундамента, на котором было воздвигнуто здание мира по окончании войны 1914—1918 годов.

«После-военный мир не будет миром до-военным», говорит вождь французского профессионального движения, Жуо, в статье, помещенной в «Попюлер» от 10 ноября, и в ряде других статей: надо провидеть и строить «новый мир», чтобы избавить человечество от кош-

мара войны. Что Жуо вторят и другие вожди французского и английского, профессионального и политического движения, — в этом нет, конечно, ничего удивительного. Но те же самые слова о «новом мире», о «новом строе», о «новом порядке», который нужно теперь же готовить, чтобы мир, которым закончится нынешняя война, не оказался снова эфемерным, — эти же самые слова мы находим и в речах Чемберлена, главы английского правительства и в то же время одного из виднейших вождей английской буржуазии.

Но если в критический момент жизни общества — а таким моментом является, конечно, война! — и у пролетарского основания социальной пирамиды, и на крупно-буржуазной верхушке ее раздаются одни и те же слова о «новом мире», «новом порядке» и т. п., то их нельзя понять и истолковать иначе, как выражение, б. м., смутного, но с неодолимой силой все слои общества охватывающего ощущения, что в крушении всех великих лозунгов современности, а вместе с тем и в крушении мира повинен «старый мир», старый порядок с ему свойственными законами существования и действия, с ему присущим соотношением социальных и политических, национальных и интернациональных сил; их нельзя в то же время понять и истолковать иначе, как смутное предчувствие, что этому «старому миру» приходит конец, что человечество должно навсегда распрощаться с ним, если хочет жить.

Но что же это за «старый мир»? В чем отличие его от чаемого и ожидаемого мира нового? Надо расшифровать эти понятия, надо отдать себе ясный отчет в их содержании, чтобы понять условия, в которых отмеченные выше высокие принципы и идеи могут найти действительное осуществление, и чтобы получить таким образом твердую основу для политики войны и мира.

Достаточно поставить вопрос в такой плоскости, чтобы получить совершенно определенный ответ. «Старый» мир — это мир капитализма, живущий законами конкуренции и подавления слабых сильными и вынужденный с тем большею беспощадностью применять эти законы и в отношениях между государствами, и внутри каждого отдельного государства в отношениях между национальными, расовыми и классовыми группами, чем более его творческие силы, его способность удовлетворять жизненные потребности общества, подорваны и колоссальным расточением крови и материального богатства в ходе трехлетней войны, и всеми условиями послевоенной эпохи. Что удивительного, что этот старый, изъеденный конкуренцией мир оказался неспособен на деле осуществить то сотрудничество между народами, то равноправие их, ту свободу их самоопределения, ту вестороннюю демократию, которые, по признанию его же лучших и наиболее дальновидных представителей, были необходимы для действительного упрочения мира? И что очевиднее того факта, что только подлинно «новый», только социалистический мир способен осуществить задачу, оказывающуюся уже не по силам миру старому, и создать на деле внутри- и междугосударственные предпосылки прочного и длительного мира?

Но отсюда следуют для военной политики рабочего класса и всех подлинных борцов за прочный мир и за те высокие принципы, осуществление которых только и может его обеспечить, вполне определенные выводы.

Всячески содействовать военному разгрому Гитлера — это первая задача пролетариев всех стран без исключения: пролетариев стран, воюющих против Гитлера, так же, как пролетариев изнасилованной Гитлером Германии, как и пролетариев Советского Союза, предаваемых Сталиным, который, в интересах сохранения своего всевластия, ставит их Гитлеру на службу.

Только военный разгром Гитлера может открыть путь к «новому миру». Конечно, и его победа разрушила бы «старый мир», — но только не с тем, чтобы проложить дорогу к миру новому, а с тем, чтобы похоронить в развалинах этого старого мира, все, что было в нем накоплено историческим развитием ценного, культурного, чреватого великим будущим, и отбросить человечество на несколько веков назад.

Но отсюда вытекает — и опять так для пролетариев всех стран без исключения — вторая и не менее важная задача их военной политики.

Каждый общественный строй создается объединенными усилиями нации. Но собирать вокруг себя нацию и руководить ею в его строительстве могут плодотворно лишь те общественные силы, которые историческое развитие человеческого общества делает носителями «идей» этого строя. Руководить нацией в построении капиталистического общественного строя не могли феодалы; ею могла руководить в этом историческом свершении лишь буржуазия. И если лишь в рамках социализма может быть построен тот «новый мир», та новая, основанная на равноправном сосуществовании больших и малых наций, федеративная Европа, те европейские Соединенные Штаты, которые, по убеждению все более широких слоев общества, являются необходимою предпосылкой прочного мира, — то это значит, что именно на долю рабочего класса выпадает задача быть руководителем и возглавителем этого строительства; это значит, что, делая все для победы

над гитлеризмом, рабочий класс должен одновременно делать все, чтобы уже в самом ходе войны, в самом процессе подготовки победы, и именно в интересах успешности этой подготовки, закладывался экономический, социальный и политический фундамент после-военного, социалистического «нового мира». Это значит, что уже в самом ходе войны рабочий класс должен стремиться стать руководящей силой общества, стать подлинным вдохновителем и стержнем того национального единения, которое необходимо для победного завершения войны.

Удастся ли или не удастся рабочему классу выполнение этой двуединой задачи, — это отнюдь не вопрос так называемого «классового эгоизма». Это — вопрос о судьбах всего человечества, в первую голову — о судьбах самого передового, европейского континента современной цивилизации. Не какой-нибудь фантазер-романтик, а министр иностранных дел американских Соединенных Штатов сказал в одной из своих недавних речей, что, если и в итоге этой войны прочный мир не воцарится в Европе, то факел цивилизации погаснет в ней, и Америке придется стать хранительницей того очага культуры, который европейский капитализм сумел в свое время зажечь и довести до яркого горения, но который он уже не способен защищать от в его же недрах рожденных варваров нацизма. Надо сделать все, чтобы апокалиптическое видение Корделля Холла не стало мрачной действительностью.

С новым годом, товарищи! Мы наш, мы новый мир будем строить...

Р. АБРАМОВИЧ.

Внешняя политика сов. правительства и Балтийский узел

1.

Внешнюю политику большевистской диктатуры нельзя отделить от ее общей политики. Она является функцией той эволюции, которую за 19 лет своего существования проделал советский режим, и отражает ее отдельные этапы. Внешняя политика Сталина августа-декабря 1939 года столь же отличается от внешней политики октября-декабря 1917 года, как сам большевизм 1917 г. отличается от сталинизма 1938-1939 гг. Даже такие по внешности схожие акты, как Брест-Литовский мир весны 1918 года и советско-германский пакт августа 1939 года, о мнимом тождестве которых так много писалось за последнее время, на деле глубоко разнятся по своему морально-политическому, историческому и социальному содержанию. Или возьмем оба советских похода на Польшу: «прошупывание штыком» Польши ленинской армией 1920 года или сталинскую оккупацию восточных областей изнасилованной Гитлером Польши в сентябре 1939 года. При всем сходстве внешних атрибутов мы имеем дело с явлениями совершенно различного порядка.

Когда в эпоху бурного революционного подъема, захватившего миллионные массы, и искренних революционных иллюзий о грядущем мировом перевороте, революционное правительство, дошедшее в военном отношении «до нуля», растерявшее армию, стихийно разбежавшуюся по домам, не имеющее никакой физической возможности сопротивляться вражескому нашествию, — заключает с могущественным врагом «похабный мир», в надежде этим на время спасти революцию хотя бы и дорогой ценой, — то такую тактику можно, если угодно, считать ошибкой (как известно, даже та

кая пламенная революционерка, как Роза Люксембург, Брестский мир считала роковой ошибкой), но уже никак нельзя этот шаг поставить на одну доску с советско-германским пактом от 23 авг. 1939 г., когда мощное, стабилизированное правительство первоклассной военной державы, — первой по силе в Европе, — никем и ничем не угрожаемой, по собственной воле заключило грабительский договор с величайшим хищником мира, со злейшим врагом пролетариата, о совместном нападении на ряд слабых соседей в целях их насильственного завоевания.

Ленинский поход на Польшу в 1920 г. был продиктован «головокружением от успехов» Кр. Армии в ходе гражданской войны. Наэлектризованные победами над «белыми» и слабыми силами иностранной интервенции, мнимые надежды на новый взрыв еще незапыхавших европейских революций, большевистские вожди попытались понести на остриях красных штыков социальную революцию в Европу через Польшу, в которой в самой было в тот период сильное рабочее и крестьянско-аграрное движение. Поход на Польшу оказался ошибкой, дорого обошедшейся России. Но имеется ли хоть тень аналогии между этим походом, непосредственным прямым последствием которого предполагалась социальная революция в Германии, и сталинским нападением на Польшу в сентябре 1939 г., отдавшим большую часть польского народа, пролетариата, крестьянства в рабство, рабство социальное, политическое, национальное, — гитлеровским сверх-империалистам?

Параллельно с вырождением большевистской диктатуры в бонапартистско-националистическую шел и процесс вырождения внешней политики большевизма из

утопически-революционной в империалистически-захватническую.

2.

Но было бы совершенно неисторическим подходом к проблеме, если бы мы закрыли глаза на закономерность этой эволюции, если бы мы не сумели и в самых зачатках большевизма, еще в его первичной форме, видеть всех ростков, которые распустились таким пышным цветом в эпоху сталинизма. Тот ничего не поймет в развитии русской революции, кто попытается принципиально противопоставить злого Сталина доброму Ленину, кто не поймет, что Сталин является законным сыном Ленина, что в террористической антидемократической диктатуре Ленина уже были заложены все семена Сталинского бонапартизма.

В области внешней политики эта связь прошлого большевизма с его настоящим особенно отчетливо бросается в глаза. Поражение в Польше означало исторический перелом в международной политике Советской России. Мечты о мировой революции были разбиты, большевистская диктатура стала переходить к строительству «социализма в одной стране». Во внутренней политике этот перелом был ознаменован Кронштадтским восстанием и введением Нэпа. Во внешней политике — Рижским миром и Рапальским договором, т. е. дипломатическим, экономическим и военным включением в систему «капиталистического окружения». Сов. Россия прекращает войну против Европы, Европа через Вашингтон и Геную принимает революционную Россию в свое лоно. Но на самой грани этой эпохи большевизм (большевизм Ленина и Троцкого!) завоевывает силой оружия Грузию и делает, при помощи январьского путча в Ревеле, неудачную попытку оккупировать Эстонию. Эти два акта и субъективно и объективно существенно отличаются от похода на Польшу. Ни через Грузию, ни через Эстонию никакие «ворота в мировую революцию» уже не открывались, да еще в 1921 году. И ни в Грузии, ни в Эстонии не было сколько-нибудь массового коммунистического движения. Именно благодаря этому эстонский путч был ликвидирован в тот же день, а завоевание Грузии, предпринятое при помощи значительных военных сил Красной Армии было совершено (в согласии с Турцией, которая за это получила некоторые территориальные компенсации) при помощи тех же методов, которыми сейчас производится захват Финляндии: создание фиктивного грузинского правительства в лагере Красной Армии, brutальное наступление чисто-военными методами без всякого участия и против воли народных масс самой страны, на 80 или 90% поддерживавших свое социалистическо-демократическое правительство и т. д. Ничего общего с революционными целями или методами не имели и те объекты, из-за которых советское правительство повело наступление на Грузию и на Эстонию: какими бы революционными фразами ни прикрывали вожди русского большевизма свои геройские подвиги в Грузии и Эстонии (Троцкий написал о Грузии одну из самых своих лицемерных и пустых книжек!), нет ни малейшего сомнения в том, что в Эстонии советское правительство привлекали морские базы, — те самые базы, которые оно захватило сейчас! — а завоевание Грузии было предпринято из-за бакинской нефти: это с неподражаемым цинизмом признал Радек, в тот момент еще верный рупор правительства Ленина-Троцкого-Сталина, на конференции трех Интернационалов весной 1922 г.

Империалистически-бонапартистское выступление против Грузии и Эстонии были уже предвестниками той новой эры в развитии внешней политики советской диктатуры, о которой мы выше говорили. Ее наиболее яр-

ким проявлением явился Рапальский договор между Сов. Россией и Германией, договор, который в своей секретной (военной) части, как теперь всем известно, представлял собою не что иное, как военный заговор Советской России и реваншистской Германии против Версальского договора и франко-британской гегемонии в Европе. Возрождение военной мощи ново-империалистической Германии, которое привело к приходу Гитлера к власти и к теперешней войне, началось на фабриках, верфях и аэродромах Советской России. В химическом городке Тропк на Волге испытывались и производились те самые газы, при помощи которых Кр. Армия травит сейчас финнов, и которые пустит в ход и Гитлер в течение войны. Нет сомнения, что правительство Ленина-Троцкого-Сталина пошло на этот сговор с германским империализмом не из бескорыстной любви к генералам Рейхсвера, а по своим собственным побуждениям и мотивам. Среди этих мотивов несомненно играли роль, по крайней мере на первых порах, расчеты на новый подъем революционной волны в результате столкновения национализма побежденных стран с империализмом победителей. К этой именно эпохе относится флирт Радека-Цеткиной с графом Ревентловым, тогда видным идеологом гитлеровского движения, попытка Коминтерна окружить революционным ореолом гитлеровского диверсанта Шлягетера, предшественника Хорст Весселя в галерее национал-социалистических святых, и т. п. Мюнхенский путч 1923 года и последовавшие события не могли не разрушить и этой, последней по счету, революционной иллюзии, которая могла бы до известной степени, если не оправдать, то объяснить рапальскую политику советского правительства. Тем не менее эта политика не изменилась и продолжалась по меньшей мере еще 11 лет, т. е. целый год после прихода Гитлера к власти, а может быть и дольше.

3.

Наступает эпоха стабилизации и Европы и Советской России. Начинается экономическое возрождение России после разрушений войны, гражданской войны и военного коммунизма. Европа окончательно примирилась с Советской Россией и прекратила всякую борьбу против нее. С Германией Россию связывает тесный союз. Балтийские окраинные государства, находящиеся в своей внутренней политике под сильным влиянием социалдемократии, а во внешней политике под влиянием Англии, стараются, по естественным побуждениям, включиться в экономическую систему Советского Союза в качестве «моста» между Россией и Западной Европой. Англия, начиная еще со времени русско-польской войны 1920 года, становится в известном смысле негласным «протектором» Советской России. В Никольсоновской биографии Керзона, в воспоминаниях лорда Дабернона и других документах той эпохи можно найти достаточно яркого материала для освещения той двойственной политики, которую Англия вела по отношению к Сов. России. Перед началом польского похода правительство Ленина запросило через Красина и Каменева, какова будет позиция Англии в случае русско-польской войны, и лишь после успокоительного ответа Ллойд-Джорджа война была развязана. Никто иной, как лорд Керзон предложил ту демаркационную линию между Россией и Польшей, на которую советское правительство и сейчас ссылалось при захвате восточных областей Польши. Представитель Ллойд-Джорджа, Филипп Кер, ныне лорд Лотиан, сыграл в Рапало роль честного маклера между немецкими и русскими представителями. Прежде чем решиться на аннексию Грузии, правительство Ленина снова осведомилось о намерениях Великобритании, и

поход на Грузию начался лишь после официального заявления Ллойд-Джорджа, что «Англия не заинтересована» в кавказских проблемах. 16-го марта 1921 года, т. е. как раз в момент, когда заканчивалось «покорение» Грузии советскими войсками, был подписан русско-британский торговый договор.

Если такова была политика Англии, мотивов которых мы сейчас не будем исследовать, и которая (политика) по внутри-политическим соображениям партийной борьбы часто перекрывалась во вне анти-коммунистическими походами и демонстрациями (вроде знаменитого зинovieвского письма), то и политика Франции, которая, в отличие от политики британской, еще некоторое время держалась в рамках анти-большевизма (никогда, впрочем, не принимавшего, после 1919 года, сколько-нибудь реальных и конкретных форм) стала все больше переходить в политику сближения с Советской Россией (правительство Бриана, пакт Келлога, Барту).

Таким образом в Европе Советской России больше уже ничего не угрожало. Но и в Азии России даже со стороны Японии не угрожала сколько-нибудь серьезная опасность, в особенности после соглашения «восьми держав». И непрерывные старания Соед. Штатов, датирующиеся еще со времен Вильсона, установить дружественный модус с советским правительством, лишь могли закрепить стабильность международных отношений на Дальнем Востоке. Однако, именно в эти годы, Советская Россия сама продвинула вперед свои форпосты в Монголию (Республика Тува), в Китайский Туркестан... И только она сама, — к чести Троцкого, при его протесте — своей нелепо-империалистической тактикой по отношению к Восточно-китайской ж. д., и своей авантюристической политикой по отношению к китайской национальной революции, подорвала свои позиции на Дальнем Востоке и способствовала усилению в Маньчжурии японского влияния.

Итак, России ничего более не угрожало. Мир между ней и капиталистическим миром был установлен «всерьез и надолго», — во всяком случае гораздо более серьезно и надолго, чем ленинский Нэп.

И однако именно в эту эпоху сов. правительство со всей энергией принимается за беспримерное укрепление военной мощи России, за превращение ее в самую могущественную военную державу Европы и всего мира. Нельзя понять ни Рапальского договора, ни непреклонного стремления к автаркической экономике, ни бешеного темпа индустриализации, ни самой коллективизации, ни, тем менее, поистине безумного увеличения доли военного производства в стране со столь низким уровнем жизни, со столь слабым развитием производства предметов потребления, — если не отдать себе отчета в том, что вся эта политика имела основной целью — создать в России, в самом срочном порядке и в ущерб прямым интересам и населения и революции, при невероятной эксплуатации рабочей силы, вольной и рабской, подавляющую военную мощь. Для оправдания этой анти-народной и анти-пролетарской политики советская пропаганда изобрела и усиленно пропагандировала миф о «рабочем государстве», окруженном со всех сторон капиталистическими хищниками, только и помышляющими о новой интервенции в России для подавления там «пролетарской революции». На этом мифе, историческая реальность которого совершенно равна гитлеровскому мифу об «окружении» Германии, воспитывались однако целые поколения молодежи в России (и, как можно судить по статье Г. М., о которой ниже, и в других странах). Но действительные мотивы советской лихорадки вооружений, на алтарь которой народные массы должны были приносить неслыханные жертвы, были иные. Большевицкая диктатура, в особенности в ее сталинской ипостаси, усиленно готовила

себе оружие и для того, чтобы суметь отстоять себя против агрессора, а для того, чтобы самой в решительный момент сыграть роль успешного агрессора, для того, чтобы в предстоящем «генеральном размежевании» быть в состоянии силой оружия утвердить свою гегемонию в Европе и осуществить в мировом грандиозном масштабе те бонапартистски-цезаристские планы, которые за эти годы были выработаны в тесном окружении Сталина, и которые он, вероятно, считает прямым продолжением революции 1917-19 гг. В этом аспекте мы должны мыслить себе и нападение на Польшу, и поход против Финляндии, и те «наполеоновские» проекты, которые будут предприняты позже по отношению к Швеции, Норвегии, Румынии, Болгарии, а, может быть, и в передней Азии, Индии и т. п.

4.

Только в свете этой эволюции можно правильно понять и тот «балтийский узел», о котором пишет у нас в последних двух номерах балтийский социалист Г. М. Для тов. Г. М., который явно воспитан на советской литературе, для которого весь мир делится на Сов. Россию и противостоящие ей «анти-советские» силы (он другого деления, повидимому, себе даже не представляет), для которого миф об «окружении» Сов. России единственная реальность международной ситуации, — вся та проблематика, о которой мы выше говорили, совершенно не существует. Русская революция для него нечто незыблемое и постоянное, не подлежащее анализу. Извечный конфликт между Россией, как страной революции, и гитлеровской Германией, как страной нацизма, для него величина постоянная и решающая, — все остальное, что совершается в мире со времени начала войны, «притянута за волосы». Вся внешняя политика Сов. России для него и сейчас, даже после Финляндии, только законное и вполне оправданное «заявление стратегических позиций» против грядущего нападения Германии (одной или в союзе с другими «капиталистами»), против советского государства*).

* Мне уже пришлось отметить в прошлом номере, что на аналогичную точку зрения становятся и люди совершенно другого, чем Г. М. лагеря, конечно, по мотивам не революционного, а великодержавно-русского характера. Чтобы опровергнуть совершенно неправильное, по моему, представление, будто политика Сталина по отношению к балтийским странам и Финляндии направлена по существу против Германии, я предложил сторонникам этой теории объяснить, как же в таком случае понимать то чрезвычайное усердие, с каким Германия идет навстречу этим планам, и в частности помогает России завладеть Финляндией? Передовик «Последних Известий» (от 14-го декабря) считает этот вопрос мой «довольно наивным» и, снисходя к моей наивности, объясняет мне, что Германия делает это с тем, чтобы через Россию, завладевшую Финляндией, давить на Швецию с целью заставить ее отдавать Германии по возможности всю свою добычу железной руды. Должен признаться, что это хитроумное объяснение «глубокого эконома» из «Посл. Новостей» мне кажется чрезвычайно неубедительным. Германия имеет достаточно способов давления на Швецию помимо России: вспомним, что Мальме на расстоянии пушечного выстрела от немецкой эскадры у острова Борнгольма; что основная промышленная область Швеции отделена от немецких авиационных баз всего часом полета современных бомбовозов; что все шведские порты в Балтийском море и в Каттегате, герметически закрыты для английского флота, могут быть без всякой помехи блокированы или обстреляны немцами в любой момент, и т. п. Если верно, — а ведь в этом весь спор —, что большевики занимают Финляндию специально для того, чтобы воздвигнуть барьер против Германии, то ведь именно с точки зрения снабжения шведской рудой было бы со стороны Германии самоубийственной политикой отдавать и подступ к рудным месторождениям, и единственный морской путь для транспорта руды (через гавань Лулеа и Ботнический залив), в руки той державы, которая не сегодня-завтра может обернуться против Германии. Ясно, что если вопрос только в руде, то для Германии гораздо выгоднее оставить

При таком абсолютном расхождении основных предпосылок и при таком полном отсутствии общего языка очень трудно договориться о чем-нибудь с тов. Г. М. Но, может быть, не бесполезно будет обратить его внимание на логику того положения, в которое он ставит себя (и балтийских социалдемократов, если бы они последовали за ним). Экономический, политический и военный союз с Сов. Россией означает сейчас для балтийских стран активное участие в той политике сталинского империализма, яркие примеры которому мы видели в Польше, и, в особенности, в Финляндии. Пойти на предлагаемую Г. М. политику означает превращение балтийских стран в «протектораты», которые должны

Ботнический залив и Аландские острова в руках Финляндии, до сих пор ни в какой мере не проявившей анти-немецких тенденций (скорее наоборот). Нет, не в руде была тут сила. Советско-германское сотрудничество в Финляндии может быть объяснено только, если предположить, что тут осуществляется один из пунктов широко объемлющего соглашения о «разделе сфер влияния» на севере Европы, а, вероятно, и на юго-востоке. Но тогда занятие Финляндии направлено в **конечном** итоге не против Германии, а против англо-французского блока.

Ф. ДАН.

Под гром пушек

(Мысли вслух)

«Предотвратить самое чудовищное преступление» сталинской диктатуры (см. резолюцию ЗД РСДРП в прошлом номере) не удалось. В советской стране не нашлось еще сил, способных разбить цепи террора, скользящие народные массы, и положить конец предательской политике «кремлевского союзника Гитлера»: Сталин двинул свои войска на Финляндию. И последствия этого, непоправимого уже факта, трагические и для общего развития международных отношений, и для судеб Советского Союза, и, больше всего, для дела рабочего класса, демократии и социализма, начинают давать себя знать.

14 декабря Советский Союз был исключен из числа членов Лиги Наций — через 5 с небольшим лет после торжественного вступления в нее (18 сентября 1934 г.). В истории Женевского учреждения это первый случай применения такой меры, хотя в прошлом было, казалось бы, немало поводов вспомнить о ней. Однако, не забывая о прошлом, надо все-же признать, что Сталин со своей стороны сделал все, чтобы кара, — постигая, увы, не его, а страну, которую он насилует не меньше, чем насилует Финляндию! — вызвала чувство удовлетворения у всех, кто понимает необходимость самой решительной борьбы с захватнической политикой тоталитарных диктатур, в какие бы «идеологические» одежды эта политика ни рядилась. Но моральное удовлетворение — одно, а политические и социальные последствия создавшегося положения — другое, и сейчас важнее всего — попытаться отдать себе возможно более ясный отчет в этих возможных последствиях.

Ко дню, когда пишутся эти строки, еще неизвестно, как будет и будет-ли Сталин реагировать на решение Лиги Наций. Советское радио ограничивается пока наигранно-ухарским издевательством, тщательно избегая всякого намека на конкретные намерения кремлевского самодержца. Пойдет-ли он в ловушку, расставленную ему Гитлером, и решится-ли, как уверяют некоторые газеты, на разрыв дипломатических сношений с англо-французской коалицией, который может быть лишь

будут покорно поставлять пушечное мясо для грабительских налетов Сталина на соседние страны, не имея в то же время ни малейшей возможности влиять на политику Сов. Союза. И вся премудрость Г. М. об «использовании шанса» сводится к тому, чтобы балтийские социалисты взяли на себя в этих странах роль Гахи... Возможно, что балтийским странам суждено быть поглощенными Россией. Возможно, что иные социалисты сыграют при этом малопочетную роль Сей-Инквартов или Гах. Но никак нельзя согласиться с тем, что, действуя так, и попадая, в качестве не жертв, а активных пособников и сообщников, в лагерь Гитлера-Сталина, эти социалисты хоть в какой-либо степени осуществляли заветы социализма, чтобы они этим выполняли какой-то революционно-социалистический долг, чтобы они этим проявляли какую-то солидарность не с Гитлеро-сталинизмом, а с международной социалдемократией. Зная в течение десятков лет наших латвийских и других балтийских товарищей, позволю себе выразить надежду, что Г. М. не выражает мнения партии и что она не пойдет по пути, на который ее зовут лишенные всех традиций социалдемократии Г. М-ы.

преддверием к войне против этой коалиции на стороне Гитлера? Французское и английское правительства, несмотря на настояния кое-каких «горячих» голов, делают все, чтобы со своей стороны не облегчить, а по возможности предотвратить или, по крайней мере, задержать успех этой игры Гитлера. Но может-ли еще и долго-ли сможет Сталин оказывать сопротивление Гитлеру?

Этот вопрос законен, так как, ввязавшись, тоже, конечно, не без подстрекательства Гитлера, в войну с Финляндией, Сталин утерял значительную часть той свободы действий по отношению к нему, которая позволяла ему быть по преимуществу берущей стороной в советско-германском блоке. Финляндский поход отнюдь не оказался тою легкой и приятною военною прогулкою, как это могло представляться диктатору и его полководцам, заместившим истребленную им голову армии не столько в силу своих военных познаний и талантов, сколько в силу своей «без лести преданности». Он связал и грозит еще надолго связать немалую часть тех военных сил и средств, которыми располагает Советский Союз, и к тому-же изо дня в день вскрывает относительную малоценность этих сил и средств. Он автоматически повышает поэтому удельный вес Гитлера в московско-берлинской амальгаме и заставляет Сталина куда больше, чем прежде, считаться с требованиями своего «друга». И если бы сообщение о передаче Гитлеру 30 советских подводных лодок оказалось верным, оно было бы лишь внешним симптомом меняющегося соотношения сил внутри германо-советского блока.

Но своим походом на Финляндию, совершающимся к тому-же в перспективе дальнейших, балканских планов, Сталин усиливает позиции Гитлера и в другом отношении. Ставя малые нейтральные страны, — сейчас прежде всего скандинавские, — меж двух огней, он обезоруживает их перед притязаниями германского национал-социализма. Реорганизация шведского правительства, приведшая к отставке министра иностранных дел,

социалиста Зандлера, ставшего мишенью нацистской агитации, достаточно показательна в этом отношении.

Вынужденная политикой Сталина податливость малых стран (о «нейтралитете» крупных, имеющем совершенно иной смысл, в этой связи говорить не приходится) по отношению к Гитлеру нашла весьма яркое выражение в ходе сессии Лиги Наций. Конечно, все они без исключения желают всяческого успеха самозащите Финляндии, являющейся прообразом их собственной завтрашней самозащиты, и сочувствие всех их — на стороне англо-французской коалиции, являющейся в данной исторической ситуации защитницей их свободы и независимости. И все-же не только и наиболее заинтересованные в успехе финляндской обороны скандинавские государства не решились оказать Финляндии активную помощь, но даже при голосовании резолюции протеста против общей Сталину с Гитлером политики захватов и насилия в общем собрании Лиги Наций 9 государств (три скандинавских, три прибалтийских, Болгария, Китай и Швейцария) из 40 предпочли воздержаться, как воздержались 3 (Греция, Югославия, Китай) из 10 членов Совета Лиги (представители Ирана и Перу отсутствовали, а представитель Финляндии, как непосредственно заинтересованной стороны, в голосовании участия не принял) при голосовании постановления об исключении СССР из Лиги.

Но что всего знаменательнее: «Ословский» блок (три скандинавских страны, Голландия и Бельгия) с самого начала обусловил свое участие в сессии Лиги тем, чтобы в порядке дня стоял один единственный вопрос — о нападении Советского Союза на Финляндию, иначе говоря — чтобы ни нападение гитлеровской Германии на Польшу, ни ее политика шантажа по отношению к малым странам, ни разбойные приемы, практикуемые ею в морской войне, ни в коем случае не были предметом суждения и осуждения Лиги. Самое упоминание имен Гитлера и Германии было поставлено под запрет: оно было изгнано даже из речей представителей Франции, Англии и — Польши, в тщательно взвешенных выражениях напомнивших все-же о насилиях над Австрией, Чехословакией и Польшей (о более ранних случаях из международной практики никто уже вообще не вспоминал), только и сделавших возможным наступление Сталина на Финляндию.

Все это надо констатировать не затем, чтобы предаваться бесплодным сожалениям о прошлых промахах, упущениях и ошибках, и не затем, чтобы читать легкую мораль малым странам, именно этим прошлым и поставленным в то трагическое положение, в котором они сейчас находятся. Это надо констатировать лишь затем, чтобы с открытыми глазами смотреть в лицо опасности. Эмиль Бюрэ («Ордр», 16 дек.), конечно, преувеличивает, когда говорит, что «из заседания Лиги Наций победителем вышел Гитлер». Но что и в Лиге Наций, и вне ее Гитлер и гитлеризм получили, благодаря политике Сталина, много козырей в свои руки, — это, к сожалению, факт.

Представители Франции и Англии сделали, конечно, все, что могли в данных условиях, чтобы не дать фигурой Сталина заслонить фигуру Гитлера, не дать превратить Сталина во «врага номер первый», отодвинув Гитлера на второе место. Но нельзя все-же закрывать глаза на то, что, загнанные Сталиным в угол и привыкшие уже влачить свою жизнь со дня на день, не заглядывая в более или менее отдаленное будущее, многие малые страны европейского континента еще до сессии Лиги Наций с некоторыми надеждами встретили весть о предполагаемом «посредничестве» Гитлера в конфликте Сталина с Финляндией, и что в ходе самой сессии лансированный нацистскими журналистами в кулуарах «план мира», в котором Гитлеру снова отводилась роль

чемпиона «борьбы против большевизма», не встретил в их среде того единодушного отпора и возмущения, которые были бы, казалось, так естественны после выразительного опыта последних лет.

Так создалась обстановка, в которой горячие речи и недвусмысленные резолюции клеймили преступления Сталина, но умалчивали о преступлениях Гитлера, и в которой, исподволь и, быть может, незаметно для самих участников, расчищалась психологическая почва для восприятия иллюзорной и опасной, лишь Гитлеру и нацизму играющей на руку, но для всех судеб мировой цивилизации поистине роковой идеи всеобщего похода против Советского Союза, как средства разрубить Гордиев узел накопившихся противоречий.

Но вместе с тем с разных сторон начала подготавливаться и политическая платформа такого похода, опасность и про-нацистский характер которой должны быть особенно ясны всем демократам и социалистам. Эта платформа нашла себе выражение в только что упомянутом гитлеровском «плане мира», она идет навстречу настроениям других тоталитарных и полу-тоталитарных режимов и характерно проявляется даже в мелочах, как, напр., в том названии «красные», которым сообщения высшего командования финляндской армии (а за ним и вся мировая пресса) все чаще и чаще, как в годы гражданской войны, обозначают несчастных советских солдат, руками которых Сталин творит свое преступное дело, ничего общего с «красными», социалистическими и революционными, целями не имеющее, а, наоборот, совершенно явственно окрашенное в «коричневые» цвета нацизма.

Проститулируя все социалистические термины и лозунги, Сталин и его подручные готовят возрождение того специфического «анти-большевизма», флагом которого столько «белых», реставрационных вождельней прикрывалось на заре советского режима и столько нацистских вождельней коричневого и иных цветов прикрывается сейчас. В этом — величайшее преступление Сталина перед рабочим классом, демократией и социализмом, но в этом-же и призыв всех демократов и социалистов к критической бдительности.

Если не найдутся своевременно силы, способные круто изменить все направление внутренней и внешней политики Советского Союза, то наступит момент, когда гибельный путь, на который толкнул Сталин страну, приведет к ее участию в обще-европейской и мировой войне на стороне германского нацизма. Не в интересах англо-французской коалиции ускорять наступление этого момента, и не в интересах общей победы демократии и социализма над нацизмом облегчать Сталину возможность фигурировать в этот момент в роли не подлинного виновника преступления, а жертвы чужого коварства. И с этой точки зрения сопротивление, оказанное ему Финляндией, приобретает характер факта, имеющего огромное историческое значение.

Поскольку Франция и Англия, в силу только что указанных соображений, не могут брать на себя инициативу объявления войны Сталину, а непосредственные соседи Финляндии, по другим соображениям, не хотят сказать ей немедленно вооруженную помощь, остается пока совершенно гадательным, что реального даст ей та моральная, материальная и гуманитарная поддержка, которая обещана ей Лигой Наций. Но если бы оставленная в одиночестве Финляндия и пала в неравном единоборстве, ее героическое сопротивление будет иметь для судеб сталинского режима и Советского Союза, а потому и для судеб мира, последствия, которые уже никто и ничто не сможет устранить.

Сталин помог Гитлеру развязать войну и помогает ему вести ее с тем, чтобы, самому в ней не участвуя, но ею пользуясь, практиковать и со своей стороны, по соглашению с Гитлером политику хищнических захватов*). Но до сих пор ему удавалось прикрывать эту политику более или менее благовидными лозунгами и, подчеркивая «мирный» характер своих успехов, подкреплять таким образом падающий престиж своего режима. Раздел Польши прошел под флагом «освобождения» белорусских и украинских «братьев по крови». Военной оккупации и вассализации Эстонии и Латвии был придан вид договоров о взаимопомощи, призванных якобы ограждать их независимость. Литве была даже возвращена ее историческая столица, — правда, предварительно ограбленная до нитки. Как ни убога была эта маскировка, ею все-же удавалось пускать пыль в глаза достаточно многим честным, но политически наивным рабочим, мучительно переживавшим свое разочарование в сталинском «коммунизме» и судорожно цеплявшимся за остатки своей былой веры в него.

Героическое сопротивление Финляндии срывает революционную и миротворческую маску с лица мнимого «отца народов». Перед трудящимися и Советского Союза, и всего мира он предстает в своем подлинном виде — не революционного антипода Гитлера, а его контрреволюционного двойника и близнеца, превратившего большевизм из революционной иллюзии масс в орудие их идейной и моральной коррупции, их порабощения

*) Интересный материал, доказывающий наличие такого соглашения, дает сопоставление дат и фактов, которое читатель найдет в печатаемых в этом же номере статьях С. Шварца и Б. Николаевского. Должен однако оговорить, что сопоставление это представляется мне еще недостаточным для обоснования тех выводов о характере и смысле политики Сталина, которые с такою категоричностью делает Б. Николаевский.

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

Сталин и Гитлер в последние дни августа 1939 года

Теперь уже едва ли у кого либо могут быть сомнения в том, что в лице Сталина мы имеем дело с прямым союзником Гитлера. Но все же мотивы его поведения до сих пор не разгаданы, его действительная роль внутри нового союза далеко еще не вполне ясна. Разобраться в этих вопросах необходимо: только ответив на них, мы поймем, куда идет и куда хочет повести мир Сталин. И первый вопрос, на который необходимо ответить, это вопрос о том, какую же именно роль сыграл Сталин в те последние дни августа, когда решался вопрос спустить ли с цепи демона войны? Попыткой ответить на этот вопрос являются дальнейшие строки.

23 августа 1939 г., подписывая свой договор с Гитлером, Сталин отнюдь не находился в положении затравленного зверя, который делает безумный скачек, так как ему не осталось никакого другого выхода. Международное положение его было совсем не плохим. Он имел возможность свободного выбора и мог свою подпись поставить или под договором с Англией и Францией или под договором с Гитлером. По доброй воле и с заранее обдуманном намерением он отверг первое и выбрал второе. Нельзя думать, что он не предвидел всех последствий этого акта. Можно быть различного мнения относительно характера его ума, — но в умении рассчитывать на много ходов вперед ему отказать, конечно, нельзя. Он знал, на какой путь он становится.

В печати весьма распространено объяснение мотивов поведения Сталина его желанием уйти от необходимости принять активное участие в войне, стремлением избавить Советский Союз от всех тех тягостей, которые война на него неизбежно должна наложить. Это объяснение в корне неправильно. Леон Блюм, конечно, вполне прав, когда так настойчиво и неустанно подчеркивает, что соглашение Сталина с Англией и Францией предотвратило бы возможность возникновения войны, — во всяком случае в данный момент. Такое заклю-

чение основано отнюдь не на чрезмерно высокой оценке сил Красной Армии, — как это полагает П. Н. Милоков. Представление об этой мощи, несомненно, раздуть теми бесплатными и оплаченными «друзьями Советского Союза», которых так много расплодилось за последние годы. С точки зрения чисто военной соглашение со Сталиным дало бы зап.-евр. демократиям совсем не так то уж много, — и сведения, которые теперь приходят с театра военных действий в Финляндии, дают немало убедительных тому примеров, — хотя все же не следует впадать и в противоположную крайность и сводить силу Красной Армии до величины близкой к нулю. В Советском Союзе в настоящее время находится под ружьем около 4 с половиной миллионов людей, и уже этого одного факта достаточно, чтобы понять, что для кого угодно не может быть безразличным: в союзном или враждебном лагере эти миллионы находятся. Во всяком случае, — это мне кажется правильным, — разгрома Польши соглашение Сталина с Англией и Францией предотвратить не смогло бы, — в случае если бы Гитлер на войну все же рискнул. Но в том то и дело, что при наличии такого соглашения Гитлер никогда на войну рискнуть бы не смог. Дело здесь не только в том, что идти на войну в подобных условиях стояло бы в резком противоречии с тем основным уроком, который сам Гитлер выводил из опыта войны 1914-18 гг.: Германия ни в коем случае не может рассчитывать на успех в войне, которую ей приходится вести одновременно и против Запада, и против Востока. Еще более важно другое: именно таким же было и мнение немецкого генерального штаба, таким было и мнение всей так называемой «национально-мыслящей» Германии. Эта идея неотъемлемой частью вошла в железный фонд немецкой националистической пропаганды, — и пропаганды национал-социалистической, в том числе. На нее на каждом шагу натыкаешься при чтении соответствующей агитацион-

воре жадных и беспринципных карьеристов, которые были вынесены на поверхность волнами революции, но стали ее паразитами, и подлинным «отцом» которых и является Сталин.

Но, разоблачая истинную природу «сталинизма», сопротивление маленькой Финляндии двинутым против нее гигантским силам, не смогишим в течение вот уже двух с половиною недель вписать в свой военный актив ни о д н о г о сколько-нибудь существенного успеха, вскрывает в то же время внутреннюю слабость сталинской диктатуры даже в той области — военной, которой она посвящала особо много внимания и достижениями которой особо похвалялась. Вооружение, обучение и т. д. сталинских армии, флота и авиации, как и профессиональный уровень их командного состава оказались — вопреки тем «стахановским» рекордам отдельных «героев», которым в свое время справедливо изумлялся мир, — далеко не на высоте современных требований и не выдержали испытания практики. Но основная причина всех сталинских неудач в Финляндии заключается все-же не в пороках техники, а в том, что, как справедливо указал глава финляндского правительства, финляндские солдаты знают, что они защищают и за что воюют, а солдаты сталинской армии не знают, за что заставляют их умирать. Или точнее: у них не только нет никакой моральной связи с тем кайновым делом, которое Сталин делает их руками и их кровью, но, чем очевиднее становится для них насильнический и завоевательный характер финляндского похода, тем больше растет в них отвращение к этому делу.

Таким образом, в полную противоположность тому, что было в годы гражданской войны и борьбы против интервенции, не в стане советской армии, а в стане ее противников светится идея, вдохновляющая на подвиг, и горит вера, творящая чудеса. Можно сказать, что повторяется — только в виду бесконечно большего несоответствия сил еще с бoльшей выразительностью! —

история русско-японской войны 1904-1905 годов: воюет в своих интересах и по своим соображениям режим, но не воюют, не хотят воевать посылаемые им на убой народные массы. Сталин может насилловать финляндский народ лишь потому, что он предварительно изнасилдовал и сковал народы Советского Союза. Потому то и терпит он неудачу за неудачей там, где нужна высокая жертва — жертва кровью, и где поэтому недостаточно пассивного повиновения, где необходимо активное сочувствие и содействие народных масс и вышедшей из них армии.

Выше было отмечено, в каком смысле раскрытие слабости Сталина может быть использовано в своих интересах Гитлером, и, разумеется, дело демократов и социалистов всех стран всячески препятствовать такому использованию. Но, с другой стороны, обнаруживающаяся военная слабость сталинской диктатуры не только ее самое заставит, быть может, тысячу раз подумать прежде чем начать дальнейшие наступательные действия — на Балканах, в Малой и Средней Азии, в Скандинавии, но сильно понизит военный «потенциал» и его нацистского союзника. И наконец, неудачи Сталина в Финляндии, вскрывая внутреннюю слабость его режима, будут тем самым и в народных массах Советского Союза подрывать веру в его всемогущество, будут выводить их из оцепенения, в которое сверг их долготный террор. Борясь за свою свободу, финляндский народ борется таким образом и за свободу народов Советского Союза. Расшатывая режим террористической сталинской диктатуры, постыдно предавшей интересы мира, демократии, социализма и ставшей союзницей Гитлера, финляндское сопротивление наносит сильнейший удар и варварству нацизма, в котором трудящиеся всего мира справедливо видят своего главного врага.

Понятно поэтому, почему в резолюции, принятой 30 ноября, в самый день нападения Сталина на Финляндию, Загр. Делегация нашей партии призывает «рабочий

класс и Советского Союза, и всего мира встать единой душой на защиту Финляндии от грубого насилия» и «сделать все, чтобы обречь захватническую и насильническую политику кремлевского союзника Гитлера на неудачу и поражение».

На трудящиеся массы Советского Союза, на всех, кто сохранил еще в этой стране верность идеалам революции, демократии, социализма, ложится в первую очередь обязанность содействовать поражению Сталина все более открытым выражением протеста против совершаемого им предательства, все более активным противодействием его преступной политике захватов и насилия. На них ложится обязанность позаботиться о том, чтобы ликвидация сталинского режима, облегчаемая мужественным сопротивлением Финляндии, привела не к торжеству каких либо иных форм контр-революции, а к восстановлению и укреплению демократической свободы на фундаменте экономических и социальных завоеваний русской революции. Они в тесном единении с трудящимися всего мира должны напрочь все усилия, чтобы поражение палача Финляндии оказалось поражением и его нацистского союзника и вдохновителя, чтобы на развалинах тоталитарного варварства воздвигся строй социалистической демократии, которая одна только может обеспечить свободу и равноправие всех, больших и малых, наций и одна только может дать человечеству прочный мир.

**

В № 19/20 «С. В.» пришлось уже указывать на трагическое положение, в которое ставит политика Сталина пролетариат оккупируемых им малых стран, лишая его всяких способов вести свою, классовую политику и оставляя ему лишь «выбор» между петлей гитлеризма и петлей нацизма, и на ту ошибку, которую сделала бы социалдемократия этих стран, если бы превратила это классовое бессилие пролетариата в свою по-

ной литературы, — и нет сомнения, что она прочно засела в сознании тех масс, которые мобилизованы гитлеровским движением. В этих условиях только сумасшедший рискнул бы пойти на войну, — а считать Гитлера сумасшедшим не позволяет та дьявольская ловкость, с которой он все время ведет свою игру. А если бы им овладело неожиданное помешательство, то на него немедленно же надели бы смирительную рубашку: кругом него собралась не несмышляныши. Только соглашение на Востоке дало Гитлеру силу повести Германию на войну.

Сталин это превосходно знал, — равно как знал он и последствия, которые для Гитлера имело бы отступление в августе. Такое отступление было бы началом конца Гитлера. Вся политика последнего была политикой шантажа. Он все время спекулировал на внутренних антагонизмах в странах-противниках, на противоречиях интересов между отдельными из них. Именно эта спекуляция принесла Гитлеру все его внешне-политические успехи. Но легко понять, что эти победы могли длиться только до того момента, пока его противники не осознали размеров опасности, грозившей им всем со стороны Гитлера, и не вступали на путь объединения, отодвигая свои внутренние, относительно второстепенные расхождения перед основной опасностью, — внешней опасностью гитлеризма. Решающим моментом в истории формирования этого анти-гитлеровского блока явились дни занятия немцами Праги. Он прочно сиементировался в июле-августе. Попытки спекуляции на внутренних противоречиях больше не давали желательных для Гитлера результатов. Шантаж перестал действовать. Отступление Гитлера в этот момент положило бы конец его внешне-политическим успехам. Оно явно для всех вскрыло бы внутреннюю слабость шантажиста, — а кто уступает бессильному шантажисту?

Но внешне-политические успехи были необходимы для Гитлера не только ради них самих. Еще более нужен ему был их отраженный эффект на внутреннее состояние Германии. Классовые и иные противоречия внутри последней не уничтожены гитлеровской диктатурой, — они только загнаны внутрь государственно-хозяйственного организма. Шесть лет неустанной человеконенавистнической пропаганды не смогли вырвать

всего, что посеяно за многие десятилетия широкой гуманистической пропаганды предыдущих поколений. Элементов потенциально анти-гитлеровских в стране очень много. Поводов для недовольства — еще больше. Чтобы держать страну в покорности, Гитлер должен был время от времени бросать ей кости внешне-политических побед, подогревая шовинистские настроения той «элиты», на которой держится режим его диктатуры. Именно эта необходимость, вызываемая внутри-политическим положением страны, толкала Гитлера от одной внешней авантюры к другой, — хотя он, несомненно, и понимал, как опасно без конца натягивать струну терпения своих противников.

В этих условиях конец внешне-политических успехов неизбежно слился бы с началом внутри-политических осложнений. Начался бы процесс внутреннего распада режима, — процесс тем более быстрый, чем более безнадежными становились бы попытки добиться внешних успехов. Из этого еще не следует, что конец Гитлера в этом случае был бы очень близок и обязательно безболезнен, — не для самой Германии, конечно, а для ее соседей. Иные мухи именно особенно кусают особенно больно, — Гитлер принадлежит, видимо, именно к этой породе. Более чем вероятно, что он то с исторической арены не ушел бы, не хлопнув за собою дверь. Но несомненно, что после отступления в августе, соотношение сил стало бы быстро меняться не к его пользе, и борьба, начатая им в любой из последующих моментов, была бы менее болезненна для противников Гитлера.

Все это Сталин знал лучше, чем знаем это мы, — так как его источники осведомления во много раз лучше наших. Если бы он действительно хотел уйти от опасностей войны, перед ним был только один путь: соглашение с Англией и Францией. Подписав соглашение с Гитлером, он показал, что держит курс не на мир, а на войну, — и что в этой войне он твердо решил стоять на одной стороне с Гитлером.

Анализ материалов, которым мы располагаем относительно роли Сталина в решающие дни августа, не только полностью подтверждает этот вывод, но и заставляет усилить и заострить его. Эта сторона вопроса, насколько мне известно, в литературе до сих пор не освещена, — и не в русской

литическую программу. Заканчиваемая печатанием в этом номере статья т. Г. М. показывает эту ошибку во всем ее роковом значении.

За недостатком места я не могу подробно разбирать здесь эту статью и лишь мимоходом отмечу, что т. Г. М. почему-то совершенно обходит молчанием вопрос, имеющий однако, с социалистической точки зрения, значительное кардинальное, — а именно вопрос о том, в какой мере та «борьба Сталина с Германией», которую он предвидит и на которой так много строит, будет борьбой против нацизма во всех его разновидностях. Но я хочу подчеркнуть основной порок политической методологии разбираемой статьи.

Мне вряд ли надо говорить, до какой степени симпатично мне стремление т. Г. М. не поддаваться пессимизму голой — и, в конечном счете, всегда слепой — эмпирики и строить свою политическую ориентацию на тех исторических «больших силах», которые уже пришли и еще придут в движение. Но не превращается ли эта ориентация на большие исторические перспективы и процессы в обескураживающую иронию, когда она в конце концов сводится к совету «малым народам» и социалистам этих народов ловить «каждый шанс, который им подбрасывают события»? Неужели «в полосу, когда все устои потрясены», политика социализма, хотя бы и в малых странах, может сводиться к подборанию исподтишка, незаметно для подлинных хозяев исторического пира, тех крох, которые падают с исторического стола? Увы, отводя социалистам какой бы то ни было страны роль каких-то политических захребетников больших исторических событий, легко с путей социалистической политики скатиться на пути самого мелкого и самого иллюзорного политиканства, стать большим фантазером весьма маленькой фантазии. И статья т. Г. М., несмотря на все благие намерения его, дает возможность осязательно нащупать эту опасность.

Можно, конечно, и оставаясь социалдемократом, сде-

лать из событий тот вывод, что надо признать уже неустранимым фактически совершающееся обратное воссоединение «лимитрофов» с Россией и поставить крест на их независимом государственном существовании. Для социалистов этих «лимитрофов» вытекала бы отсюда обязанность переориентировать свою политику на участие в общей борьбе российской социалдемократии против сталинской диктатуры.

Тов. Г. М. указанного выше вывода не делает, хотя вся аргументация его к нему подводит. Наоборот, он выступает в роли чемпиона государственной независимости «лимитрофов», советуя им ловить «шансы», которые даст им предполагаемая борьба Сталина против Германии, и утверждать свою «независимость», превращаясь в зависимое от Сталина орудие этой борьбы. Но вместе с тем он и социалистов этих «независимых» стран освобождает от солидарности с российскими социалдемократами (российскими-ли только? А польскими и еврейскими? А финляндскими? А всей международной социалдемократией?) в борьбе против сталинской диктатуры и, особенно, ее нынешней внешней политики. Наоборот, он и социалистам советует ловить «шанс», ставя свою кандидатуру на роль проводников сталинской политики в Прибалтике.

Думать, что малые страны могут такими мизерными средствами обеспечить свою независимость, — великая иллюзия. Но еще бесконечно большая — полагать, что средствами такого калибра социалисты этих стран могут обеспечить себе существование, политически независимое от сталинской диктатуры. А зависимое, — чего оно стоит, если даже предположить, что для проведения своей политики в Прибалтике Сталин удовольствуется местными социалдемократами, а не предпочтет им местных Куусиненов? Ибо это, конечно, софизм, будто дело идет об «осуществлении основных пунктов внешне-политической программы», формулированной прибалтийскими социалдемократами «здалго до нынеш-

только. Поэтому мне придется остановиться на ней более обстоятельно.

Что Германия с самого начала на московский договор смотрела, как на оружие, которое должно помочь ее агрессии против Польши, это ясно само по себе. Простая хронология событий показывает прямую зависимость между рождением нацистской агрессии в Данциге и ходом московских переговоров. Из этого никто не пытался делать секрета. Наоборот, это открыто подчеркивали. Для примера укажу на речь министра Франка, произнесенную им 22 августа на манифестации в Цолпоте, — почти точно в тот самый час, когда Риббентроп вылетел из Берлина в Москву: ссылаясь на предстоящее подписание этого договора, Франк заявлял, что теперь «немецкие братья» в Данциге могут перестать себя чувствовать покинутыми Рейхом. И признательность, которую он при этом выражал мудрому «фюреру» звучала, как одновременно признательность и Сталину. А назначение Форстера главою Данцига, — именно это назначение было первым актом формального разрыва Германии со статутом «вольного города» Данцига и делало невозможным мирное отступление Германии в этом вопросе, — было произведено через несколько часов после подписания московского соглашения: в 1 час пополудни 24 августа Риббентроп по прямому проводу известил Гитлера об этом радостном событии, — а уже утром Д.Н.Б. разослало сообщение о назначении Форстера. Этого назначения ждали уже несколько дней. Сам Форстер намекал на него, начиная со своей речи 20 августа. Но произвести это назначение Гитлер рискнул только после того, как подпись Сталина гарантировала ему поддержку Советского Союза в случае возможного конфликта.

Но более важна не эта часть причинной связи событий. Еще интереснее роль Сталина в событиях той недели, которая отделяет момент подписания московского соглашения от начала военных операций против Польши. Об этой роли мы знаем в высшей степени мало. Важнейшие и наиболее достоверные источники, которыми мы располагаем в настоящее время для изучения этой недели, — английские «сияния» и «белая» книги и родственные им по значению статьи «Пти Паризьен», — роль советских дипломатов оставляют совер-

шенно в тени: как будто бы их и на свете не существовало. Тем не менее, кое-какие характерные детали мы можем установить с достаточной степенью точности.

Неделя 25—31 августа в Берлине была неделей ожесточенной и сложной закулисной борьбы, подробности которой мы узнаем только в будущем. Можно считать несомненным, что по первоначальному плану начало наступления на Польшу должно было находиться в непосредственной близости к моменту подписания московского соглашения. В дни, когда Риббентроп был в Москве, «исключительно осведомленные лица» из ближайшего окружения Гитлера говорили американским и английским корреспондентам, что для такого наступления все уже готово, и что «фюреру» достаточно «только нажать кнопку». Наступление было назначено, повидимому, на 26 или 27 августа. За это говорит приостановка воздушных сообщений с границей, перерыв телефонной связи и ряд др. мер, принятых Германией 26 августа: такие меры обычно бывают связаны с началом военных действий. Только в самый последний момент наступление было отменено, — и осведомленный автор статьи в «Пти Паризьен» утверждает, что это распоряжение об отмене наступления было отдано так поздно, что в 2—3 случаях небольшие отряды рейхсвера, не получившие во время сообщения об отмене, начали военные действия, вызвав небольшие «пограничные инциденты».

Итальянские источники приказ об этой отмене выступления относят целиком за счет вмешательства Муссолини. Едва ли эта причина была единственной. Кто вдумывался в психологию Гитлера, как мы ее знаем по «Мейн Кампф» и др. источникам, тот наверное согласится, что в решающий момент, когда во весь рост обрисовалась неизбежность разрыва с Англией (а ответы, которые Гитлер получил от Н. Гендерсона и от Кулондра во время бесед 25 августа, и еще более произведенная того же 25-го августа ратификация Англией ее договора с Польшей не оставляли места для сомнений), Гитлер не мог не колебаться и по другим соображениям. Тем не менее огромная, вернее всего решающая роль итальянского вмешательства все же несомненна. Острые трения с Англией и Францией немецкая дипломатия предвидела и на

них событий». Такого «осуществления» Сталину недостаточно. За «теснейшее сотрудничество с великим соседом» в борьбе против нацизма стояли и польские социалисты, и бундисты, и финляндские социалдемократы. Гарантировало-ли и гарантирует-ли это им возможность «взять свою судьбу в собственные руки»? Тов-щу Г. М. хорошо известно, что «судьбой» польских и бундовских товарищей Сталин уже предпочел распорядиться самостоятельно, как предпочтет распорядиться и судьбой финляндских, если ему удастся сломить их сопротивление.

Нет, ориентация на большие исторические перспективы никоим образом не мирится с мнимо реалистическими потугами вести «практическую» политику там, где все условия для ведения подлинно практической поли-

тики социализма отсутствуют и где поэтому идейно-программная работа социализма приобретает первенствующее значение, как основа будущего возрождения от бессилия к подлинной силе. Ориентация на исторические силы не имеет ничего общего с стремлением перехитрить историю. Ориентация эта не может быть плодотворной иначе, как в рамках широкого пролетарского и социалистического интернационализма, полным отрицанием которых является политика призрачного практицизма. Полагаю, что т. Г. М. сам поймет это, если сопоставит те широкие исторические перспективы, из которых он хочет исходить, с теми мизерными выводами, к каким привел его избранный им путь.

17 декабря.

С. ШВАРЦ.

Ответственность за Польшу

Из оккупированных Германией областей Польши приходят страшные вести. Страдания 16-17 миллионов поляков и еще более ужасные муки почти двух миллионов евреев, отданных на поток и разграбление озверевшим бандам Гестапо и гитлеровских ударников, отодвигают в тень даже ужасы Праги и всегерманского еврейского погрома ноября 1938 года. Несоввершенство международного правопорядка делает, к сожалению, не очень вероятной перспективу привлечения Гитлера к личной ответственности за совершающиеся в Польше преступления. Как ни трудно примириться с этой мыслью, ответственность Гитлера за эти преступления останется, может быть, лишь ответственностью «пред историей». Но суду истории Гитлер будет предан не один. Рядом с «миролюбцем» и «вегетарианцем» сядет

на скамью подсудимых «величайший гуманист» и «вождь и отец народов» Сталин.

Сталин несет значительную долю ответственности уже за самое нападение Гитлера на Польшу. Но не только за него, но и за дальнейшее развитие событий вплоть до сегодняшних палаческих подвигов гитлеровских молодчиков. На этом необходимо остановиться подробнее.

До недавнего времени в кругах, свободных от сталинского влияния, казалось, не вызывало спора положение, что если бы не было заключено германо-советское соглашение, Гитлер не мог бы решиться напасть на Польшу, и что поэтому и происходящей сейчас войны не было бы. Положение это недавно встретило решительные возражения в статье П. Н. Милокова (в «По-

них шла. Позиции Муссолини она, повидимому, не предвидела. Иначе в выступлениях ответственных сотрудников Гитлера и в немецкой прессе не было бы таких настойчивых заявлений, что в будущей борьбе рука об руку с Германией будет идти Италия (сошлюсь хотя бы на уже упомянутую речь министра Франка в Цоппоте). А Муссолини в эти дни развил действительно кипучую деятельность. Прямой провод между Римом и Берлином работал почти без перерывов. Маккензен и Аттолико превратились в современных Меркуриев, которые по два-три раза в день передавали телефонические послания Гитлера к Муссолини и обратно. Какие мотивы руководили последним, для нас сейчас безразлично, но для сомнений нет места: в тот момент Муссолини прилагал все усилия, чтобы остановить Гитлера перед последним шагом.

Один момент казалось, что усилия Муссолини увенчались успехом. Приказ о наступлении был отменен. Гитлер решил ждать возвращения Гендерсона и ответа Англии. 28-го он имел обстоятельную беседу с только что прилетевшим Гендерсоном. Беседа протекала, как констатировал Гендерсон, в «относительно вполне дружественной атмосфере». Гитлер не был недоволен ответом Англии: этот ответ открывал возможность разговоров относительно далеко идущего англо-немецкого союза и гарантировал известную степень воздействия Англии на Польшу в отношении уступок. Этих уступок Гитлер требовал в двух вопросах: безоговорочная передача Данцига Германии и плебисцит в коридоре, — а так же некоторые «исправления границ» в Силезии. Гендерсон вынес из беседы относительно оптимистическое впечатление. Несомненно, что размер гитлеровских требований в этот момент был согласован с Италией: итальянская пресса в эти дни настойчиво подчеркивала, что теперь судьба мира в руках Англии, что именно на последней лежит вся ответственность.

Слабым пунктом этой беседы было нежелание Гитлера зафиксировать свой ответ с полной определенностью: он хотел детально изучить английскую ноту и обещался дать на нее письменный же ответ на следующий день. Этот письменный ответ был получен 29-го в 7.15 вечера. Во время этого сви-

дания Гитлер был в состоянии «значительно менее рассудительном, чем накануне» (Гендерсон). Он был «возбужден, нервен, резок» («Пти Паризьен»). Размеры претензий к Польше были несколько повышены, а самое главное — был резко поставлен вопрос о немедленной же присылке Польшею в Берлин полномочного представителя для подписания соглашения, — фактически в этих условиях равносильного капитуляции. И в дополнение: в качестве предварительного условия выскочила неожиданная оговорка: в случае каких бы то ни было изменений границ в результате переговоров с Польшей немецкое правительство не может взять на себя никаких гарантий и ни в каких по этому поводу соглашениях участвовать **без предварительной о том консультации с СССР.**

Этот момент был переломным. После него все быстрым темпом пошло к военной ликвидации конфликта. Гитлер больше ни Гендерсона, ни Кулондра не принимал. Риббентроп держал себя вызывающе. Его поведение во время свидания с Гендерсоном в ночь с 30 на 31 августа все признают беспримерным в истории дипломатических отношений.

Что же случилось за эти сутки, — между 22.30 часами 28 августа и 19.15 часами 29 августа? Что так изменило и настроение Гитлера, и позицию Германии? Источники на это не дают прямого ответа, — но мы сможем его найти, проследив данные о поведении Сталина.

Немедленно же после подписания соглашения с Риббентропом Москва сообщила о созыве на 28 августа чрезвычайной сессии Верховного Совета. Московские корреспонденты зап.-евр. газет передавали, что сессия будет краткой, — что в порядке дня стоял только один вопрос: ратификация соглашения с Германией. 28 утром телеграмма «Гавас» из Москвы сообщила, что «чрезвычайная сессия, созванная для ратификации германо-советского договора» (ни о каких других вопросах порядка дня все еще нет и речи), будет открыта в 14 час., а в 16 соберется Совет Национальностей. В тот же день вечером Гавас разослал новую телеграмму из Москвы: «во время заседания, которое продолжалось 5 минут, Верховный Совет СССР ратифицировал германо-советский договор». Никаких подробностей телеграмма не давала, — кроме одной: Сталина и Ворошилова по сведениям кор-

следних Новостях» от 24-го ноября), отмеченной уже Р. А. Абрамовичем в предыдущем номере нашего журнала. «В истории происхождения этой войны факт того или другого хода и исхода переговоров с СССР всегда останется не главным и даже не второстепенным, а третьестепенным мотивом», пишет Милуков. И дальше: «Если бы даже дело дошло до стовора (Англии и Франции с СССР), вышло бы нечто более или менее похожее на теперешнее положение». — Почему?! — Потому, с фатализмом историка отвечает Милуков, что «война для демократий стала неизбежной раньше всяких переговоров с СССР» и Сталин «не играл тут роли даже той „копеечной свечки“, от которой, по пословице, „Москва загорелась“».

Все это, конечно, неверно. Если даже допустить, — а это допустить трудно, — что и в случае соглашения Франции и Англии с СССР война была бы неизбежной, война эта во всяком случае была бы другой войной и в частности для Гитлера не могло бы быть и речи о том ошеломляющем успехе в Польше, который обеспечило ему соглашение со Сталиным, соглашение, не только гарантировавшее Гитлера от удара со стороны Советского Союза, но и обеспечившее ему, как это будет показано ниже, известную военную помощь со стороны Сталина.

В первые недели войны в коммунистических кругах был очень популярен другой аргумент, который должен был снять со Сталина ответственность за войну. Сталин, мол, был готов заключить соглашение с Францией и Англией против возможной гитлеровской агрессии, но Франция и Англия не хотели честного договора, обеспечивающего обе стороны, а то ли стремились шантажировать Гитлера перспективой соглашения их с СССР и толкать его таким образом на соглашение с Западом за счет СССР, то ли рассчитывали втянуть СССР в такое соглашение, которое заставило бы СССР принять на себя главный удар и в то же время дало бы Англии и Франции возможность по каким-либо «формально-юридическим основаниям» уклониться от уча-

стия в войне и «поставить СССР в состояние изоляции пред лицом агрессора» (Молотов в ВС СССР 31-го августа).

Но если даже допустить правильность этого аргумента, покоящегося на гипотезе о нежелании Франции и Англии «воевать из-за Польши» (а сейчас эта гипотеза уже опровергнута фактами), то выводом из него, казалось, должно было бы быть не заключение Сталиным договора с Гитлером, а отказ Сталина от заключения договора с кем бы то ни было и сохранение им за собой полной свободы действий. Если бы затем возникла война между Германией и Польшей и Франция с Англией, вопреки сталинскому пессимизму, приняли в ней серьезное участие, Советский Союз имел бы еще возможность выступить против Гитлера, не опасаясь, что его оставят «в состоянии изоляции пред лицом агрессора».

Сейчас, кажется, не может уже быть сомнений в том, что договор, заключенный 23-го августа между Германией и СССР, не был лишь договором «о ненападении». Это был договор о нападении на Польшу и о тесном сотрудничестве СССР и Германии в деле разгрома Польши. Сказалось это очень скоро во всем, вплоть до мелочей. С этой точки зрения заслуживают внимания некоторые особенности процесса ратификации договора 23-го августа, в печати до сих пор нигде, кажется, не отмеченные. Сейчас же после подписания договора Президиум Верховного Совета СССР постановил созвать на 28-ое августа Верховный Совет на экстренную сессию для ратификации договора (кстати, ратификация международных договоров производится, по конституции, не ВС, а Президиумом ВС, но Сталин, повидимому, решил на всякий случай оградить себя от возможных будущих неприятностей «единогласным» постановлением «советского парламента»). Следовало ожидать, что ратификация договора будет внесена первым пунктом в порядок дня сессии ВС. Однако к 28-му августа международное положение осложнилось: в это время как раз происходили очень напряжен-

респондента Гаваса на заседании не было.

Имелась ли в этих сообщениях Гаваса та или иная доля правды (как известно, официальные отчеты о ходе сессии были иными), мы не знаем. Установить это было бы интересно. Но даже если бы и оказалось, что с работой машины Верх. Совета действительно вышел такой неприятный казус, то это лишь внесло бы любопытную дополнительную деталь в картину, но не изменило бы существа. Последнее — не в этих сообщениях, а в тех опровержениях, которые были посланы из Москвы. На следующий день, 29 августа, с утра, в зап.-евр. газеты из Москвы полетело два опровержения. С одной стороны корреспондент Гаваса исправлял свою ошибку: договор еще не ратифицирован, в порядке дня сессии стоят и другие важные вопросы, которые не позволяют Верх. Совету перейти к обсуждению вопроса о германо-советском договоре раньше 1 сентября. Второе московское опровержение, разосланное Тассом, было не менее любопытно: недели за две перед тем, в самый разгар флирта с англо-французскими военными миссиями, западно-европейскую печать обошло сообщение, что, желая продемонстрировать свои дружественные чувства в отношении Польши и дать последней возможность все свои силы сосредоточить против Германии, советское правительство решило несколько отодвинуть свои войска от польской границы. В то время время большевизанская пресса сделала этому сообщению большую рекламу: какие сомнения могли оставаться относительно действительных намерений Сталина, когда он так недвусмысленно демонстрирует свою готовность к борьбе против Гитлера? Теперь Тасс нашел нужным это старое сообщение со всею категоричностью опровергнуть и сообщить, что советские войска не только не отодвинуты от польской границы, но, наоборот, в виду тревожного международного положения значительно усилены.

Если мы вспомним, что обе эти телеграммы были посланы 29 августа, — т. е. в тот самый день, когда Гитлер колебался, не пойти ли все же по пути компромисса с Англией, на который его усиленно тянул Муссолини, то смысл обоих этих «опровержений» Сталина станет совершенно ясным. Ком-

промисс, к которому стремился Муссолини, — был ли он приемлем для Англии с Францией, этого вопроса я сейчас не касаюсь, — давал существенные выгоды Гитлеру, в огромной степени поднимал международный авторитет Муссолини, но оставлял, что называется, при пиковом интересе Сталина. Последний только терял и терял очень много. Вся фальшь его предыдущей игры в качестве передового застрельщика борьбы против мирового гитлеризма, была уже вскрыта договором 23 августа. Авторитет его в демократических кругах был сильно подорван. Мировому сталинизму был нанесен жестокий удар, — и разоблачения, которые неминуемо должны были последовать в обстановке мирного времени, этот удар превратили бы в прямую катастрофу. Сталин хорошо знает завет Маккиавели: опасно делать **маленькие** подлости. Подлости в «планетарном масштабе» людей оглушают, — как удар тяжелой дубиной по голове. Они лишают способности понимать, — и нужно время, чтобы размер такой подлости стал ясен обывателю. Иное дело подлости **маленькие**: их большие размеры делают их доступными для обывательского понимания немедленно же. А договор 23 августа сводил все «злодейство» Сталина до размеров именно мелкой подлости. С этим помириться он не мог. За кулисами он, несомненно, поставил Гитлеру ультиматум: или начинай войну против Польши, или я рву с тобою. И не только поставил этот ультиматум за кулисами, но и просигнализировал публично, что он не остановится перед открытым разрывом. Именно такими сигналами и были отмечены нами два опровержения. Первое из них говорило Гитлеру: знай, что у меня руки еще не связаны, — если ты не пойдешь на войну (а война, несомненно, была предусмотрена уже договором 23 августа), я не остановлюсь и перед открытым разрывом договора с тобою и переходом на сторону твоих противников. А второе к этому прибавляло: если тебя пугает военная сторона дела, то знай, что Красная Армия на границах Польши усилена и в любой момент готова ударить против последней.

Что такое объяснение «опровержений» Сталина правильно, говорит еще одна мелочь: в тот же день 29 августа коррес-

ные переговоры между Германией и Англией, пытавшейся убедить Гитлера пойти на более или менее приемлемое для Польши соглашение. ВС отодвинул поэтому ратификацию договора на последнее место. Но 31-го августа Гитлер обрывает переговоры, а Верховный Совет — вопреки программе его работ, подтвержденной еще накануне и предусматривавшей, что 31-ое августа ВС посвятит военной реформе и лишь 1-го сентября перейдет к советско-германскому договору, — внезапно созывается на экстренное вечернее заседание для ратификации договора. В этот же вечер договор ратифицируется и в Берлине, а несколькими часами позже — в ночь с 31-го августа на 1-ое сентября — Германия без объявления войны нападает на Польшу. Тесная согласованность между ратификацией договора и нападением на Польшу прямо бросается в глаза. Ее, кажется, трудно объяснить, если не предположить, что договор 23-го августа содержал какие-то секретные статьи (может быть, секретный дополнительный «протокол»), касающиеся войны против Польши и советско-германского сотрудничества во время этой войны, статьи, настолько связывающие обе стороны, что они были готовы принять их, лишь если война оказывалась уже неизбежной.

Не прошло и трех недель, и сотрудничество это начало принимать более отчетливые формы. На рассвете 17-го сентября советские войска вторглись в Польшу. В ноте, которую в ночь на 17-ое сентября Молотов пытался вручить польскому послу в Москве, советское правительство оправдывало свое выступление против Польши тем, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать». Это была заведомая неправда. Роковой исход борьбы Польши против гитлеровской агрессии не мог уже, правда, вызывать сомнений, но героическое сопротивление Варшавы, Модлина и Гелы еще продолжалось, почти вся страна пылала в огне войны и польское правительство еще не покинуло польской территории. Впоследствии Молотов, как это у нас уже отмечалось, сам неосто-

рожно разрушил легенду о вторжении советский войск в Польшу лишь после того, как польское государство перестало существовать. В речи своей в ВС СССР 31-го октября Молотов сказал буквально следующее: «Оказалось достоянным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора». — «Короткий удар» это, конечно, бахвальство, но факт разгрома Польши соединенными усилиями германской и советской армий здесь признан и сейчас уже не может быть оспорен.

Советские войска почти не встречали сопротивления в Польше и население готово было смотреть на них, как на избавителей от ужасов гитлеровского нашествия. Заслуживает внимания, что не только население Польши в начале часто не догадывалось о тесном сотрудничестве советских и германских войск, но что даже и в советских войсках было очень широко распространено мнение, будто они пришли в Польшу для борьбы с Гитлером*). Советские войска быстро продвигались впе-

*) Это нашло себе очень яркое выражение в письме санитаря польского военного госпиталя, написанном непосредственно после перехода автора письма вместе с госпиталем на румынскую территорию и опубликованном в парижском бундовском «Унзер Штиммэ»:

«...17-го сентября мы находились у Залешков (у стыка польской, румынской и советской границ). Мы на пороге России. Еще километр и мы оставляем Польшу. Священник раздает солдатам и офицерам освященные медальоны. У всех слезы на глазах. И у меня сжимается горло. Мы покидаем нашу страну, гонимые врагом, и в таком страшном положении. Гитлер победил!

Вдруг на шоссе показываются танки. Из них выглядывают солдаты с красными звездами на шапках. На минуту воцаряется мертвая тишина, и вдруг нас охватывает громадный энтузиазм: мы спасены! Русские танки, советское государство, могучая советская армия помогут нам сопротивляться. Солдаты и офицеры обнимают друг друга. Мы забрасываем танкистов папиросами и яблоками. Советские солдаты отдают честь и некото-

пондент «Дейли Телеграф», — едва ли не наиболее осведомленный из зап.-европ. корреспондентов в Москве, — сообщая об отсрочке ратификации, протелеграфировал и объяснение, которое этой отсрочке дается в иностранной колонии Москвы: советское правительство умышленно оттягивает ратификацию договора, т. к. «предпочитает, чтобы война, — если ей суждено возникнуть, — началась до ратификации пакта. Советское правительство тогда сможет пересмотреть свою позицию, — если найдет нужным». Мы знаем, каким путем подобные слухи появляются в иностранной колонии Москвы: соответствующий чиновник ГПУ или Наркоминдела, получив прямое указание начальства (вернее всего в письменной форме, так как после расправ последних лет не только служащие НКВД не соглашаются вести разговоров с иностранцами, но и врачи не ходят к пациентам-иностранцам иначе, как имея в кармане письменный о том приказ от ГПУ), кому то в «откровенной» беседе подсказал подобное объяснение действительно странного события. Впрочем, в этом объяснении не все было неправдой. Сталин действительно готов был порвать свое соглашение с Гитлером, — только сделать это он собирался не в случае начала последним военных действий, а как раз наоборот, в случае отказа Гитлера от войны.

Но рвать не понадобилось. Гитлер уступил Сталину: последний, несомненно, имел верных друзей в ближайшем окружении Гитлера, — не одного Риббентропа только. Как мы видели, уже 29 вечером тон Гитлера в беседе с Гендерсоном был совсем иным, чем накануне. В письменной форме ответ на английские предложения звучал совсем не так примирительно. Ультимативно был поставлен 24-часовой срок для присылки Польшей парламентаря. Появилась оговорка о консультации с СССР. 30-го Гендерсон три раза посылал сообщения Гитлеру и Риббентропу. Принял его только последний, — ровно в полночь с 30 на 31, — и не хотел даже внятно прочесть те 16 пунктов, которые представляли из себя немецкий ультиматум Польше: кажется единственный в истории ультиматум, авторы которого сами признали его отвергнутым раньше, чем вручили адресату. «Теперь это не имеет

значения, — бросал Риббентроп, старавшийся как можно скорее закончить беседу, — теперь уже поздно.

Было действительно поздно. Соглашение со Сталиным за кулисами несомненно к этому моменту уже было заключено. 31-го в 8.15 вечера Верховный Совет ратифицировал договор, — о тех срочных и важных делах, которые не могли ему позволить заняться этим делом раньше 1 сентября никто, конечно, и не вспоминал. В тот же день, — повидимому, раньше, чем в Москве, — этот договор был ратифицирован и Гитлером. Все новые усилия Муссолини остались безуспешными. Гитлер согласился освободить Италию от необходимости маршировать рядом с Германией. Он предпочитал на этом историческом этапе маршировать в ногу со Сталиным. В ночь с 31 на 1 немецкие войска вступили в Польшу. Муссолини ничего не осталось, как сбалансировать свою неудачу назначением принца Савойского вторым командующим итальянскими армиями...

В будущем история, конечно, внесет не мало изменений в набросанную здесь схему событий. Она ее во многом дополнит, расцветит деталями. Кое в чем исправит. Но у меня нет сомнений, что в основном, — в том, что касается роли Сталина, — она только усилит, только заострит мои выводы. Сталин не только свой договор с Гитлером подписал, сознательно сделав ставку на военный путь развития. В последний момент, когда Гитлер заколебался, это был Сталин, кто сделал отступление невозможным, — кто заставил Гитлера сделать самый последний роковой шаг. Ответственности Гитлера все сказанное, конечно, нимало не уменьшает. Вся политика его вела к войне. С самого своего прихода к власти он к ней готовился. И в военном союзе, который создал 23 августа 1939 г., именно Гитлер является главной силой. Но и ответственность Сталина нельзя преуменьшать, — ее не следует замалчивать. Его роль в решающие и роковые дни конца августа была тем более преступна, что она явилась только увенчанием поистине дьявольской игры, которая тянулась в течение ряда лет. Разобраться в существе этой игры я попытаюсь в следующей статье.

ред и через несколько дней пришли в соприкосновение с немецкими войсками. А 22-го сентября уже было подписано советско-германское соглашение о «временной демаркационной линии». Демаркационная линия проходила в основном по Висле и разрезала коренные польские области на две части. Обращало однако на себя внимание, что линия эта была названа «временной» и что советское радио и советская печать в своих бесчисленных откликах на события в Польше говорили в эти дни лишь об украинцах, о белорусах, иногда о евреях, но никогда не о поляках, не заикались ни одним словом о будущей судьбе поляков в Советском Союзе, об образовании советской польской республики или польской автономной области и т. п. Прошло несколько дней и последние центры польского сопротивления — Варшава и Модлин — вынуждены были капитулировать и одновременно пришло известие о новом соглашении между Германией и СССР, установившем «окончательные» границы между «сферами государственных интересов» обеих стран. При этом обнаружилось, что окончательная граница 28-го сентября проходит значительно восточнее «временной» границы 22-го сентября, в основном не по Висле, а по Бугу, и что все коренные польские области остаются на германской стороне. Не может быть сомнения в том, что и 22-го сентября, при установлении «временной границы», обе договаривающиеся стороны отлично знали, что территория между Вислой и Бугом должна в ближайшем будущем отойти к

рые кричат нам: **«Мы пришли, чтобы вместе бороться с немцами».**

Лишь часа через два выяснилось, что советские войска оккупируют страну, разоружают польские войска и арестуют польских солдат и офицеров...»

Бжавший во Францию Львовский художник, мобилизованный в качестве унтер-офицера польской армии и оставшийся более трех недель в Львове после вступления в город советских войск, передает, что советские солдаты и унтер-офицеры не раз открыто говорили во Львове, что советские войска пришли в Польшу, чтобы вместе с поляками, украинцами и др. бороться против Гитлера. Таких рассказов множество.

О еще более поразительном случае рассказывает польский офицер, командовавший небольшим отрядом в Восточной Галиции близ польско-венгерской границы. Когда советские войска пришли в этот городок, они окружили польский отряд и арестовали (или взяли в плен, разница не всегда была достаточно ясна) офицера и солдат. Польский офицер в негодновании обратился к офицеру, командовавшему советским отрядом: как это вы нас арестуете, когда нам вместе нужно бороться против Гитлера? (Из рассказа польского офицера неясно, верил ли он в то, что говорил, или прибег к «военной хитрости»). Советский офицер растерялся и приказал отпустить поляков. Это значит, что даже для офицеров советских войск часто оставалось тайной, что Сталин стал союзником Гитлера.

Г. М.

Балтийский узел

(Окончание)

Советские войска занимают все важные стратегические пункты Прибалтики, начиная с литовско-прусской границы, по всему побережью, эстонским островам, до Балтийского Порта и Нарвы. Многие считают это концом Балтийских государств, преддверием к полной оккупации их Россией. Так-ли это? Действительно-ли судьба Латвии, Эстонии, Литвы предрешена, а для социалистической и демократической общественности этих стран отрезаны все пути и все возможности оказать какое-либо влияние на ход событий?

«сфере государственных интересов» Германии. Почему же 22-го сентября была установлена другая — «временная» (!) — граница? На этот вопрос ответить, кажется, нетрудно. К 22-му сентября немцы располагали на правом берегу Вислы лишь небольшими разбросанными моторизованными частями. Чтобы удержать в это время эти области, немцы должны были бы перебросить на правый берег Вислы значительные массы артиллерии и пехоты. Но в это время французы усиливали свой нажим на Запад, и Гитлер должен был думать не об усилении оккупационной армии в Польше, а, напротив, о переброске сил на Запад. «Временная» передача правобережных привислинских областей советской армии освобождала Гитлера от большой заботы. Но советские войска заняли эти области лишь для Гитлера, и когда Варшава и Модлин пали и «большая война» в Польше кончилась, они немедленно передали их Гитлеру. Это и была прямая военная помощь, которую Сталин оказал Гитлеру в польской войне.

При вступлении советских войск в Польшу Молотов заявил в своей речи по радио, что советские войска ставят своей задачей не только помочь украинским и белорусским «братьям», но и «вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут своими неразумными руководителями, и дать ему зажить мирной жизнью». На следующий день в с о в м е с т н о м «германо-советском коммюнике» было еще раз подчеркнуто, что германские и советские войска в Польше ставят себе задачей «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования». Это было общее обязательство Гитлера и Сталина и каждый из них выступал как бы поручителем за другого.

Как Гитлер «помогает» польскому народу «зажить мирной жизнью» и «переустроить условия своего государственного существования», достаточно хорошо известно. Ну а Сталин? О, он помогает, но не польскому народу, а — Гитлеру, помогает ему не только тем, что закрывает границу для пытающихся бежать из гитлеровского ада, но и упорным замалчиванием всех ужасов, творящихся в Польше. Их просто не существует ни для советской печати, ни для советского радио, ни для протитуированной «советской общественности». Но Сталин этим не довольствуется и заставляет молчать о мучениях Польши и всю международную коммунистическую печать и подвластные ему коммунистические партии, становящиеся таким образом прямыми пособниками и союзниками палачей из Гестапо. Этого позора Сталин и выродившийся международный сталинский коммунизм не смоят с себя никогда.

В первой части статьи мы пытались показать, каким образом балтийские страны были доведены до нынешнего положения: их демократическим силам не удалось в свое время добиться правильного разрешения проблемы мирного сосуществования с Советским Союзом; реакционеры, правившие Латвией и Эстонией, превратили их в игрушку в руках гитлеризма; при первом же удобном случае Советский Союз силой заставил их принять свои неимоверно возросшие требования, обеспечивая ему возможность укрепиться на Балтийском побережье. Против кого?

В этом вопросе совпадают мнения людей, стоящих на самых различных точках зрения. Английские министры, французские журналисты самых противоположных направлений, русские эмигранты либералы и социалисты одинаково считают, что стратегические позиции, занятые Россией в Прибалтике, направлены своим острием против Германии. Спорят о том, имеем ли мы дело с разделом сфер влияния между Германией и Россией или же с их конкурренционным бегом на скорость, о компенсациях, которыми Россия платит за эти позиции, о дальнейших планах Сталина и пр. Но все или почти все сходятся в том, что смысл событий в Прибалтике — вытеснение из нее Гитлера, твердое намерение Советского Союза обеспечить себя от нового появления его там.

В самом деле, только германской может быть та анонимная армия, от вторжения которой через Литву Советский Союз гарантирует Латвию, и только германским может быть флот, против нападения которого гарантируются все Балтийские страны, — поскольку Балтийское море герметически закупорено Германией для флотов Западных держав. Наконец, выселение всех немцев из Прибалтики, осуществленное по настоянию России, свидетельствует о том, что Советский Союз заранее принимает меры на случай возможного рецидива «мейнкампфизма» у Гитлера. Конечно, было бы легкомысленно рассматривать все это, как признак близкого разрыва. Этот вопрос, от решения которого в большей степени зависят судьбы Европы, будет, надо полагать, решаться не здесь. Но важно то, что, близко-ли, далеко-ли заглядывая вперед, Советский Союз считает необходимым укрепляться в Прибалтике именно против Германии. Можно, конечно, возразить, что он укрепляется и против всякой другой силы, которая вздумала бы сюда «заглянуть». Но все такого рода версии пока что приходятся притягивать за волосы. Естественным и чуть-ли не единственным соперником России в Балтийском море является Германия. Если Россия поспешно и настойчиво укрепляется на Балтийском побережье, то это почти несомненно означает, что она на какой-то стадии считается с возможностью или даже неизбежностью войны (под каким бы то ни было соусом) с Германией.

Это обстоятельство проливает свет на задачи, которые Сталинская власть может себе ставить в Прибалтике, и позволяет делать предположения насчет того, как Советский Союз будет здесь действовать при тех или иных обстоятельствах.

Надо при этом раз навсегда сказать себе, что Балтийскими государствами и их судьбой Советская Россия интересуется исключительно с точки зрения стратегических баз, опорных пунктов, гаваней и т. п. Плохо-ли это, хорошо-ли, но факт таков, что политика Советского Союза по отношению к Балтийским государствам определялась и, надо думать, будет определяться и впредь исключительно военно-стратегическими задачами, которые он себе ставит, совершенно не считаясь с политическими симпатиями или антипатиями к тому или иному режиму. Или точнее: политический строй этих государств интересовал и продолжает интересовать Советский Союз лишь постольку, поскольку он может быть брошен на чашу весов, как военный фактор.

Думать-же, что Сталин не потерпит на своей границе того или иного политического строя из опасения его, так сказать, пропагандистского влияния на население Советского Союза, могут лишь люди, совершенно незнакомые с положением. Каковы бы ни были торговые и политические отношения между Советским Союзом и Балтийскими странами, страны эти никогда не смогут иметь в этом смысле ни малейшего влияния, как не могли иметь его до сих пор, даже во времена самых

оживленных торговых сношений при левом, демократическом правительстве Латвии в 1927 году. Гораздо вероятнее — обратное влияние. Поэтому Сталин «потерпит» любой строй и любое правительство в лимитрофных странах, которые будут выгодны России в военном отношении. Так и только так может быть поставлен вопрос.

Советский Союз пока почти совершенно не вмешивается во внутреннюю жизнь Латвии, Литвы и Эстонии. Имея свои гарнизоны во всех стратегических пунктах, получив возможность пользоваться гаванями и строить укрепления, Советский Союз, очевидно, считает свои интересы достаточно обеспеченными — при условии, что ни Германия, ни кто бы то ни было другой в данный момент на Прибалтику притязаний не имеет. Каково правительство в той или иной лимитрофной стране, — вопрос для Советского Союза пока третьестепенный, так как в данных обстоятельствах никакое правительство не может позволить себе не вести «дружественной» политики по отношению к Москве.

Каково-же нынешнее положение в Балтийских странах?

В Эстонии и Литве ситуация более или менее одинакова. И там, и тут пролетарские партии очень слабы и с самого начала не имели решающего влияния на государственную жизнь. Поэтому и диктатуры там были гораздо более «либеральны», чем в Латвии. Стоило произойти потрясения последних месяцев, чтобы эти диктатуры развалились сами собою. В Литве, как мы видели, уже после отдачи Мемеля было свергнуто фашистское правительство, в Эстонии на следующий день после заключения пакта с Советской Россией к власти пришло правительство, в которое входят известные буржуазные демократы вроде проф. Пийпа. И в той, и в другой стране социалисты легальны и имеют возможность, правда — ограниченную, издавать печатные органы. Препятствием к полной демократизации режима (с точки зрения внутренних сил) является лишь слабая организованность левой общественности, недостаточный контакт ее с массами.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Эмигрантская радуга

Германо-советский пакт и вызванные им дальнейшие события ускоряют внутри русской эмиграции процесс кристаллизации в ней новых политических настроений*). Социально и психологически русская эмиграция почти так же разнородна и пестра, как неоднородны и пестры были те общественные силы, которые оказались в лагере Октябрьской революции. Но большие национальные задачи, стоявшие перед русской революцией и в конце концов подчинившие себе социалистический порыв ее, а также режим диктатуры, — в течение многих лет сплачивали «советский» фронт. Иначе обстояло дело с так называемым «анти-советским» фронтом. Здесь время разрывало не центристельные, а, наоборот, центробежные силы. Мстительные, контр-революционные замыслы и мечты активистов о «реванше», потерпев — не без деятельного участия ГПУ — ряд сокрушительных ударов (последним звеном было «дело Скоблина»), стали искать выхода на иных «конструктивных» путях. Но новые планы не могли, конечно, затушевать процесс распада внутри правого крыла эмиграции.

Но больше чем от происков ГПУ, «активизм» хирел от самого факта существования Советского Союза. Не нужно быть психологом, чтобы понять душу рядового эмигранта. Суровая борьба за существование, какая-то беспросветная серость повседневности... А где-то далеко, за тридевять земель живет страна, где протекли лучшие годы. Она, эта страна, осталась, жизнь в ней с годами утрачивается. Спрашивается — и чего ради бунтовал? Новые порядки не понравились? Так, ведь, если подумать, и царская власть не ахти какая сладкая была, да не лезли же из-за этого отцы на рожон: тихой сапой брали, не мытьем — так катаньем! Отсиделся бы во время бури где-нибудь в темном закуте и — глядишь — теперь бы жил дома, гражданином своей страны...

Затаенные эти думы обывательской толщи эмиграции давно уже были тем питательным бульоном, в котором не без успеха росли и развивались всевозможные «возвращенческие» и «оборонческие» концепции и построения. Насколько сильны в эмиграции эти настроения, видно из мимоходом оброненного замечания Г. Адамовича («Посл. Нов.» от 15-го ноября): «Если бы оказалось, что Сталин действительно „строит новый мир“, или хотя бы участвует на равных правах в коллективной его постройке, нам не нашлось бы в истории никакого оправдания, кроме самых эгоистических „ликурных“ интересов... А теперь ясно, что выбор сделан был неслучайно». И хотя, по Адамовичу, «очень тяжело сейчас быть русским» — сознание своей исторической правоты в кругах демократически настроенной эмиграции дает «чувство удовлетворения». На этом чувстве «удовлетворения» и строятся попытки оживить прежние про-аппаратские настроения.

Моральное удовлетворение, однако, само по себе не творческая политическая эмоция. За доказательствами ходить недалеко: Среди самих сотрудников «Последних Новостей» имеются и такие, которым внешне «успехи» Советского Союза в свете всех предыдущих процессов идеологического перевооружения (ухаживание идеологов официального сталинизма за «советской интеллигенцией») импонируют гораздо больше, чем пресловутое моральное удовлетворение. Еще до заключения германо-советского пакта, в период франко-англо-советских переговоров, в ряде передовиц «Посл. Нов.» отчетливо слышны нотки сочувствия новой внешней политике Советского Союза. И это тем более знаменательно, что сочувствие это просачивалось фуксом, помимо воли и, может быть, сознательных намерений их авторов. Это сочувствие не могло исчезнуть с момента подписания пакта. Конечно, самый пакт, вся обстановка, при которой он был осуществлен, возмутила «Посл. Нов.», и неслучайно Милоков в своем ответе Леону Блюму пытается смягчить вину Сталина и советского режима в развязывании войны. Происходит это оттого, что моральное удовлетворение по своему существу живет в себе, а вот национальное чувство очень равнодушно к «жизненным прострациям»...

О том, как взग्रзали за последнее время «национальные» эмоции и чаяния внутри русской эмиграции, дает представление «орган осуществления нового синтеза» — «Третья Россия» Боранецкого: «На наших глазах Россия являет истинное великое чудо своего национального самосохранения, ибо, несмотря на то, что у самого руля ее судьбы оказались злей-

шие ее враги и заведомые предатели, притом в самый страшный и трагический момент ее истории, она не только силой своего могучего национального гения справилась с этой смертельной опасностью, но и выходит теперь из нее, как свидетельствуют многочисленные признаки, еще более внутренне окрепшей и обновленной». В Советском Союзе «Третья Россия» видит три силы: «основная, решающая — новая национально-народная стихия и две побочных: слева — деградировавшие и распыляющиеся остатки коммунизма, и справа — остатки старой, дореволюционной России». Сталин по мнению журнала балансирует между этими силами, все больше делая ставку на «основную стихию»: «Мощный, органически народный национализм подобен тому, который возник в результате французской революции и который обусловил великие революционные завоевания и вознес звезду Наполеона».

Цитируемая статья написана до войны, ибо предстоящая война мыслится ее автору, как война Гитлера против Сталина. Вот почему журнал предлагает мобилизовать вокруг этой войны, как «последней», все, «что есть в мире от прогресса, от культуры, от света, от великодушия», ибо победа «растистой Германии над Россией была бы победой атавизма над историческим прогрессом, победой зоологии над Историей» (с большой буквы!). Наберем терпения и подождем дальнейших разъяснений «Третьей России», как быть теперь, когда Сталин заключил пакт с Гитлером. Но не будем себе строить иллюзий насчет основной тенденции журнала: «На три четверти коммунизм в России уже ликвидирован. Если же в борьбе с коммунизмом нам придется пройти через грозное своими возможными последствиями испытание войны, то мы должны будем включиться в тот неизбежный в случае войны (если теперешний режим не нормализуется в порядке превентивной самореорганизации) военно-политический переворот, который одна делает Россию способной воевать с ее внешним врагом, — а никак не становится самим на сторону этого внешнего врага». Пуще огня «Третья Россия», несомненно отражая какие-то настроения эмигрантской интеллигенции, пытающейся перекинуть мост к «советской беспартийной интеллигенции», — боится критики Советского Союза. В отношении людей, оплакивающих расправу Сталина с Гамарником, Ягодой и другими, «Третья Россия» обещает быть беспощадной, и, категорически отклоняя упрек в симпатии к фашизму, в отношении этих людей обещает быть «архифашистской». Ибо эти люди — худшие «враги России», они мешают «вызреванию «национальной технократии». С такой установкой «Третьей России» трудно будет проглотить и советско-германскую лягушку...

Не менее «Третьей России» восторгается новой складывающейся в Советском Союзе «национальной» идеологией и орган «младороссов» «Бодрость» (от 5-го ноября): «Русская нация переживает сейчас бурный подъем национальных настроений. Именно этим настроениям дает удовлетворение нынешняя политика Советского Союза, ошутительно для всех выдвигнувшая сейчас нашу страну в разряд первых мировых держав. Параллельно протекающая внутри национализация режима выражает то же самое явление. После десятилетий национального унижения, русские люди, выросшие за годы так называемой „интернациональной“ революции, больше всего горды сейчас прошлой славой России, горды традициями русского искусства, горды выносливостью и дарованиями Русского народа, горды тем, что русские войска стоят на Карпатах и на литовско-германской границе, а Русский флот опять господствует на Балтийском море. Все это по мнению кн. Оболенского «не только понятно, но естественно и неизбежно. Все развитие русской революции... готовило нынешний этап ультра-националистической и великодержавной русской политики. Непонятно только, почему же старшие младороссы боролись с большевиками, и почему они продолжают издаваться в Париже, а не попросятся коллективно домой? Одно нужно сказать: младороссы более убедительно, чем их новые союзники из рядов европейского коммунизма, формулируют программу внешней политики Советского Союза: «Наш национальный и имперский интерес в том, чтобы отобрать у немцев побольше с их же вынужденного согласия и приготовиться к тому, чтобы предъявить им окончательный исторический счет к концу войны. Но для этого нам нужен разгром Германии».

Разгром Германии, но вместе с разгромом России, желает и «Возрождение». Союз Гитлера со Сталиным для «Возрождения», ставившего прежде ставку на Гитлера, был самым черным днем. Правда, «Возрождение» кое-как справилось со своим разочарованием: «Во всяком случае, надо твердо сказать в нашей среде тайным и бывшим хитловцам: вы ошиблись, потому что приписали германскому фюреру, в разгар его германской борьбы, высокие общечеловеческие задания. Вы забыли, что ориентация русских людей может быть только русской». Свои переживания «Возрождение» — не без некоторой ловкости — вложило в уста некой «белой дамы», которая призналась одному из сотрудников газеты, что «по-

*) В настоящей статье я пытаюсь охарактеризовать настроения основной массы эмиграции, начиная от «Последних Новостей» и на-право. О настроениях левого фланга эмиграции я буду, может быть, иметь случай поговорить особо.

сле Хитлеровской измены» она почувствовала себя «морально так же скверно, такую же уничтоженную, как после предательства Скоблина». При всем том «Возрождение» далеко от уныния: «Во всяком случае паровоз истории тронулся. Путевка в жизнь из тупика изгнания нам дана». Европейская война «смела сразу все наше зарубежно-политическое черчение на песок, все наши хитроумные и сложные планы освобождения. Зато, быть может, именно война и несет в себе бурю освобождения». Посему и настало время и на Западе, и в России сказать во всеуслышание: «вверяйтесь добру войны прочному, только выкованному поколениями. Верьте только России, церкви, монархии».

Программа реставрации монархии, как конечная цель, как будто устраивает и «Нашу Газету» И. Солоневича. А между тем, внутри правой эмиграции нет людей, которые бы так ненавидели друг друга, как Солоневич, с одной стороны, и Семенов из «Возрождения», с другой. И ненависть эта не взвизгивающая, не только личная, а нутряная, утробная, ибо за ней стоят разные социально-политические группировки. «Возрождение» олицетворяет эмиграцию из бывших русских толстосумов, генералов, знать. «Наша Газета» с Солоневичем — остатки захолустного российского дворянства (гоголевские дворяне), и неудавшиеся кандидаты в среднее чиновничество, мироощущение которых и прежде уже мало чем отличалось от настроений мелкой буржуазии и мещанства.

Официально спор между «Возрождением» и «Нашей Газетой» ведется за душу безымянного штабс-капитана. «Возрождение», с дрожью в голосе, призывает современных штабс-капитанов вложиться в войну Франции против Германии. Оно исходит при этом из перспективы, что ходом войны Советский Союз неизбежно будет втянут в мировую войну и штабс-капитаны получат историческую возможность заплатить недоплаченный долг России.

«Все долги давно заплачены», — неистовствует Солоневич и, без особого труда становясь в позу штабс-капитана Лебякина, ошарашивает своих вельможных единомышленников по монархии: «Я обращаюсь к нашим штабс-капитанам с призывом очень прозаическим, очень «обывательским» и для наших верхов вовсе непривычным: берегите себя и не суйтесь не в наше дело: вы нужны России... Нынешняя война нам не нужна ни в каком случае... Я не испытываю ровню никакого восторга ни перед франко-советским военным союзом, ни перед германо-советской дружбой. И я знаю, что в том трагическом бридже, который разыгрывается сейчас в Европе — и не только в ней одной — на Московской стороне сидят дяди с совершенно изумительной ловкостью рук. Их главная ставка — поставленная еще Лениным — это мировая война, в которой Советы никакого участия не примут. Они подождут. Они умеют ждать. А беззвон, извините за выражение, — в их распоряжении». Вот почему «да будет позор тому, кто в эти страшные дни — во имя ли нефтяных дивидендов, во имя ли генеральских лампасов, во имя ли епископских посохов — торгует русской кровью, последней русской кровью, еще остающейся на свободе» («Наша Газета» от 5-го декабря).

Солоневич и его штабс-капитаны не заинтересованы ни в свержении капитализма, ни в разрушении демократии, капитализма или национал-социализма — все это «не наше будущее». А практически-политически Солоневич справа помогает Сталину и стоит за нейтралитет, веря, что перехитрит Сталина, если даже для этого придется «подвергать себя еще одной переделке». Сильный в борьбе против остатков господствовавших прежде общественных классов, Солоневич совершенно беспомощен по части положительных задач, во имя которых он и его штабс-капитаны должны произвести революцию против советского режима. «Белая империя» по Солоневичу — **плебейская монархия**, некое мирное Берендеево царство, где на троне дремлет эдакий добрый, старый Берендей, во всем слушающийся совета Солоневича и «людей из народа». Но реальный монархический строй — здесь Солоневич действительно мог бы поверить на слово «Возрождению» — имеет свои, «веками выкованные» порядки и принципы; уж коли российская монархия, так непременно и церковь, и табель о рангах, и уважение традиций, а уж никак не «пемумытый полубольшевизм» Солоневича.

Кое что в эмигрантской радуге политических настроений говорит за то, что здесь в разных группировках возникает спонтанная потребность перекинуть мост к советскому обществу. По части «национальных» интересов России имеется даже некое устрашающее тождество в выражениях, намечается **общий язык**. Эмигрантская радуга как бы предвещает наступление новой эры, пафосом которой будет попытка примирения с верхами нынешнего общества. Только не мир и не безветрие сулит эта радуга тем, кому дороги демократические и социальные идеи русской революции.

С. Ш.

Нападение на Финляндию

Соседство советского гиганта никогда в сущности не переставало тревожить маленькую Финляндию. Одно время — в начале 30-ых годов — во влиятельных буржуазных кругах Финляндии сильно было течение в пользу того, чтобы как-то прислониться к Германии, в которой в это время гитлеровское движение шло от успеха к успеху, и таким образом обеспечить себя от опасности со стороны «красного» соседа. Но даже и в это время ни один сколько-нибудь серьезный политический деятель в Финляндии не думал о наступательной политике Финляндии по отношению к Советскому Союзу, и сближение с Германией должно было служить лишь оборонительным целям.

Финская социал-демократия всегда энергично боролась против этой политики и за развитие добрососедских отношений с СССР. Эта политика с-д-ии начала постепенно завоевывать и все более широкие круги крестьянской (аграрной) партии. После победы обеих партий на парламентских выборах в июле 1936 года, когда с-д-ы завоевали 83, а крестьянская партия 53 мандата (из общего числа 200), и особенно после избрания в начале 1937 года президентом республики вождя крестьянской партии **Каллио** (против прежнего президента **Свинхувуда**, отказавшегося, между прочим, допустить вступление с-д-ов в сформированное после выборов 1936 года новое правительство) развитие дружественных отношений между СССР и Финляндией, казалось, было обеспечено. Стоит сейчас напомнить, как «Правда» характеризовала тогда (17-го февраля 1937 года) «итоги президентских выборов в Финляндии»:

«Провал кандидатуры Свинхувуда на выборах означает поражение германской фашистской агентуры в Финляндии. Он свидетельствует об усилении тех сил внутри Финляндии, которые настроены в пользу улучшения добрососедских отношений с Советским Союзом.

Избрание президентом Каллио поставит на очередь дня вопрос о перемене правительства. Социал-демократы имеют шансы быть допущенными к участию в новом правительстве. Ближайшие недели покажут, насколько эти предположения оправдаются».

Предположения эти в полной мере оправдались. Новое крестьянско-социал-демократическое правительство **Каяндера-Таннера**, поддержанное также и небольшой прогрессивской партией, энергично принялось за осуществление поставленных им себе внутри- и внешнеполитических задач. В частности в области внешней политики новая победа с-д-ов и крестьянской партии на парламентских выборах в июле 1939 года (с-д-ы увеличили число своих мандатов с 83 до 85, крестьянская партия с 53 до 56), казалось, еще более укрепила перспективы советско-финляндского сближения, — пока Сталин не заключил союза с Гитлером.

В начале октября 1939 года Сталин сделал внезапное — с опозданием на 20 лет — открытие: близость маленькой Финляндии, население которой еле-еле достигает одной пятидесятой населения СССР, создает угрозу безопасности Ленинграда. По испытанному берхтесгаденскому методу финляндские представители были «приглашены» в Москву и здесь им был представлен список советских требований. Финны отдавали себе отчет в серьезности положения и с самого начала переговоров проявили готовность идти навстречу советским требованиям, поскольку это еще более или менее совместимо с обеспечением независимости Финляндии. Они сейчас же выразили поэтому готовность передать Советскому Союзу несколько небольших финских островов, расположенных непосредственно перед Кронштадтом и как бы естественно входящих в Кронштадтский крепостной район. Финны соглашались и на некоторое передвижение на север советско-финской границы на Карельском перешейке, но они решительно отвергли мысль о передвижении этой границы «на несколько десятков километров» (Молотов), что должно было бы привести к уничтожению финской оборонительной линии. Отвергли финны и требование об «аренде» гавани Хангэ (у входа в Финский залив). Кстати сказать, после создания сильных советских военно-морских баз на эстонском и латвийском побережьях и на эстонских островах требование аренды Хангэ никак не могло более мотивироваться в серьезных интересах обороны Ленинграда. И наоборот: передача Хангэ Советскому Союзу — особенно в связи с уничтожением финляндской оборонительной линии на Карельском перешейке — означала бы фактически предоставление Советскому Союзу безраздельного господства над основными областями Финляндии, т. е. означала бы на деле конец финляндской независимости.

Когда выяснилось, что представители Финляндии нельзя заставить подчиниться сталинскому «диктату», Советский Союз перешел к угрозам. Началось это речью **Молотова** в Верховном Совете СССР 31-го октября. Молотов подчеркнул, что требования Советского Союза являются «**максимально скромными**» и ограничиваются необходимым для СССР «**минимумом**» и что если финны этого не хотят признать, то лишь потому, что они «**поддаются** какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству со стороны». Все это звучало достаточно угрожающе и почти ультимативно. Когда финляндский министр иностранных дел **Эркко** на следующий день подчеркнул в речи, произнесенной в Гельсингфорсе, что Финляндия по-прежнему желает развития дружеских отношений с СССР и пойдет навстречу требованиям Советского Союза до максимальных, возможных для нее, пределов, но что она со всей энергией будет защищать свою независимость, безопасность и нейтралитет, «**Правда**» (от 3-го ноября) откликнулась на речь Эркко с совершенно исключительной грубостью «**Советский Союз пошел навстречу Финляндии во всех важнейших вопросах, лицемерно заявляет автор статьи (в действительности Финляндия ничего и не требовала от Советского Союза, а требования были представлены исключительно с советской стороны), но в ответ на такое исключительное миролюбие советского правительства финляндский министр иностранных дел действует «точь в точь, как бывший министр Польши Бек.** Как известно, он тоже провокационно выступал перед войной Польши с Германией и — в результате этого — спровоцировал войну с Германией». (Здесь все замечательно: и «**война Польши с Германией**» и бедная «**спровоцированная**» Германия, как прообраз бедного провоцируемого Финляндией Советского Союза). Но «**мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что.** Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всяческие препятствия на пути к цели».

Эти угрозы не достигли цели. Финны продолжали твердо подчеркивать свою готовность к приемлемому для Финляндии соглашению и не дали спровоцировать себя на заявления или действия, которые могли бы дать Сталину хоть сколько-нибудь приличный повод для разрыва с Финляндией. Советская печать продолжала свою провокационную кампанию, но все безрезультатно. Так прошел почти месяц. Но вот 26-го ноября около 4-х часов пополудни в советской деревушке у финской границы разорвалось несколько артиллерийских снарядов и 4 красноармейца были убиты и 9 ранено. Через 2-3 часа Молотов вручил финляндскому послу в Москве резкую ноту протеста против провокационного обстрела финнами советских войск с требованием немедленного отвода финских войск на 20-25 километров от границы. Уже на следующий день пришел ответ финляндского правительства: злополучная стрельба последовала не с финской, а с советской стороны; финские пограничники имели возможность наблюдать ее и отметили ее в служебном журнале; на финской стороне в этот день (воскресенье) вообще не было учебной артиллерийской стрельбы, а в районе, где произошел обстрел, у финнов нет даже артиллерии. Финская нота заканчивалась предложением о передаче всего инцидента на расследование — согласно установленному порядку — смешанной финско-советской пограничной комиссии и выражением готовности приступить немедленно к переговорам об отводе войск от границы с обеих сторон на началах взаимности.

28-го ноября Молотов ответил новой резкой нотой: уже самый факт отрицания финнами обстрела ими советской деревни является возмутительным издевательством над общественным мнением; для советского правительства вина финнов вне сомнения. Финского предложения о расследовании инцидента смешанной комиссией Молотов не коснулся ни одним словом.

На следующий день новая финская нота, в которой финны выражают готовность к новым уступкам, но она уже даже не была рассмотрена советским правительством. «**Слишком поздно!**» — точь в точь, как поступил Гитлер 31-го августа, перед нападением на Польшу. 29-го поздно вечером Молотов уведомил финляндского посла в Москве о разрыве Советским Союзом дипломатических отношений с Финляндией и о разрыве договора с ненападением. Еще через несколько часов, ранним утром 30-го ноября, советские войска перешли финскую границу. И на этот раз Сталин точно копировал Гитлера в его нападении на Польшу и напал на Финляндию без объявления войны.

На второй день войны, 1-го декабря, в финском пограничном городке Терюки, оставленном без боя финнами, отошедшими к своей оборонительной линии, и занятом советскими войсками, было «образовано» «**финское народное пра-**

вительство» с **Куусиненом** во главе. Из обширного, опубликованного по Московскому радио сообщения «народного правительства» изумленное человечество узнало, что в формировании правительства приняли участие «ряд левых партий» и «представители восставших финских солдат». Ряд левых партий! Каких это? Ни одна из них не была названа, ни даже финская компартия. Что во главе «народного правительства» стоит небезизвестный финский коммунист, не было упомянуто ни одним словом и уже, конечно, ни в сообщении «народного правительства», ни в многочисленных и многоголосных откликах московского радио не было и намека на то, что Куусинен уже около двух десятков лет живет в Москве и в течение почти полутора десятка лет занимает должность одного из секретарей Исполкома Коминтерна. За то мы узнали, что Куусинен «верный сын финского народа», «старый борец за интересы народа», «сын портного» и т. п. И чтобы по возможности заставить забыть коммуниста Куусинена, московское радио в эти дни вновь и вновь нарочито говорило о «**господине Куусинене**».

Та же тенденция красной нитью проходит и через «правительственную декларацию» «народного правительства». Даже и слова «коммунистический» ни разу не встретились в этой обширной декларации. Больше того: декларация категорически отвергает мысль об образовании в Финляндии советской республики и подчеркивает, что Финляндия должна быть не советской, а «демократической народной республикой». — Все это не свидетельствует о том, что в Москве высоко оценивают популярность компартии в Финляндии (а, может быть, и в Советском Союзе?).

Не лучше, чем с анонимными «левыми партиями», обстоит дело и с «восставшими финскими солдатами», принявшими участие в формировании «народного правительства». Где и когда произошло это восстание?! «Народное правительство», казалось бы, живейшим образом заинтересовано в широчайшей огласке этого восстания. Увы, до сих пор никто не знает о нем абсолютно ничего.

На следующий день после образования «народного правительства» «**господин Куусинен**» и «**товарищ Молотов**» заключили в Москве договор о взаимопомощи между СССР и «демократической народной Финляндской республикой» и в силу этого договора «народное правительство» тотчас же обратилось к СССР с «**просьбой**» о присылке ему военной помощи для борьбы с «бандитами», засевшими в Гельсингфорсе. Само собой понятно, что советское правительство не могло отказать дружественному финляндскому правительству в этой услуге. Нападение на Финляндию было таким образом — хотя и с некоторым опозданием — «легализовано».

Кто смеет после этого говорить о «войне» СССР против Финляндии? Это возмутительная клевета. СССР не воюет с Финляндией, а поддерживает с нею самые дружеские отношения и помогает единственно законному финляндскому правительству справиться с «врагами финляндского народа», «белофиннами», «бандитами», «Маннергеймовской кликой» и т. далее. Словом, то, что происходит сейчас в Финляндии не война, а **гражданская война**, и Советский Союз принял лишь **интервенцию** в Финляндии в пользу дружественного народного правительства и против «белых». Правда, слово «интервенция» тщательно избегается. Да и слова «гражданская война», повидимому, утратили в Москве свою популярность. Но как ни избегать тревожных слов, по существу военные операции Советского Союза в Финляндии — **согласно официальной советской концепции** — являются ничем иным, как **интервенцией в финской гражданской войне**.

Что эта концепция в корне ложна, что в Финляндии не происходит никакой гражданской войны, что «народное правительство» является только **ширмой для прикрытия советской агрессии**, после всего сказанного выше не приходится, кажется, более доказывать. Но для чего нужен Сталину этот маскарад?

Прежде всего для Советского Союза и советской армии. Детище гигантской по своему социальному размаху революции, плебейская по своему составу, воспитанная на примитивно-освободительной идеологии, советская армия является мало подходящим орудием для политики международного разбоя. Правда, в последние годы в идеологию советской армии вплетено было немало новых нитей, и националистические ноты начинают все громче звучать в ней. Но национализм этот носит пока преимущественно лишь примитивно-патриотический характер и чужд идее национального господства и национальной исключительности. Для того, чтобы с такой армией можно было успешно вести войну, нужно, чтобы у армии было сознание, что она защищает свою страну от нападения или, по крайней мере, от грозящей ей опасности, или что она борется, чтобы помочь другим в защите своей свободы и независимости. Влияние последнего мотива, конечно, гораздо менее глубоко, но и сейчас еще он не утратил в советской армии своего значения. При этом освободительная функция советской армии, в соот-

ветствии с новейшей эволюцией большевистской идеологии, мыслится в плоскости не столько социального, сколько национального освобождения.

Сталин, предпринимая набег на чужую страну, не может поэтому сказать армии правду. Заслуживает внимания, что и при вторжении в Польшу, советскую армию баюкали мыслью, что она идет в Польшу лишь, чтобы защитить украинских и белорусских «братьев». От кого их нужно было защищать, сказано не было («польские помещики и капиталисты» появились лишь несколькими днями позже) и это, конечно не случайно, и солдаты часто думали, что они идут в Польшу, чтобы защитить украинцев и белоруссов — но и евреев и поляков — против Гитлера (см. об этом в статье «Ответственность за Польшу» в этом же номере нашего журнала).

В Финляндии перед советскими Геббельсами стояла гораздо более трудная задача. Здесь не приходится защищать украинских или каких-либо других «братьев». Нужно было поэтому прибегнуть к другим аргументам. «Угроза Ленинграду»? Финские «провокации»? Такими сказками можно, может быть, успокоить наивных обывателей в глубоком тылу. Армия на фронте слишком хорошо осведомлена о громадной разнице в силах СССР и Финляндии, чтобы верить легендам о финских кознях против Ленинграда и Советского Союза. Это прежде всего для советской армии нужно было поскорее вынуть Куусинена из нафталина и поручить ему просить Советский Союз о помощи против «врагов финляндского народа». Но советская армия, повидимому, уже сейчас начинает понимать, что ее послали в Финляндию для насильнических целей. И, вероятно, отчасти этим — а отнюдь не одними лишь недостатками военного руководства и военной техники и организации — объясняются относительно ничтожные успехи советских войск в Финляндии, ни в какой мере не соответствующие ни кремлевским ожиданиям, ни гигантскому количественному превосходству и превосходству технических средств советской армии.

Необходимость как-то оправдать перед Советским Союзом и особенно перед армией поход на Финляндию это только одна из причин, заставивших Сталина инсценировать «правительство» Куусинена. Сталину нужно было это правительство и для осуществления тех целей, которые он себе поставил в Финляндии. Теперь уже не может вызывать сомнений, что цели эти идут гораздо дальше того, о чем говорилось в октябре-ноябре во время переговоров с финнами. В Латвии, Эстонии и Литве создание ряда военных опорных пунктов обеспечивает Сталину полное господство над этими странами. Сталин мог поэтому оставить этим странам какую-то видимость самостоятельности, тем более, что эта видимость отлично служит его собственным целям. В Финляндии, демократической стране с глубокой традицией борьбы за независимость, это было бы невозможно. Если бы речь шла для Сталина действительно лишь об обеспечении безопасности Ленинграда, он должен был бы удивляться далеко идущим уступкам финнов, не настаивая ни на уничтожении финской оборонительной линии, ни на Хангэ. Но именно на этих требованиях он настаивал особенно упорно, чтобы иметь возможность в подходящий момент полностью покончить с финляндской независимостью. Для этого в нужный момент можно было бы выдвинуть какого-либо Куусинена, задача которого тогда, конечно, была бы гораздо легче, чем сейчас. В процессе переговоров Сталин убедился, что этот его план не удастся. В эту минуту вопрос о разрыве с Финляндией был для Сталина решен и он приступил к действиям для маскировки завоевания Финляндии Советским Союзом и поручил Куусинену выступить на насоро и грубо сколоченных подмостках и играть роль «народного правительства» Финляндии. Играет он ее плохо, спору нет. Но и роль то ведь для «артиста» последнего разбора.

„Господин Куусинен“

В 1930-31 гг. я имел случай встречать в Москве Отто Куусинена, возглавляющего ныне териокское лже-правительство Финляндии, на которое Кремль возложил поручение — вернуть эту страну в состав Российской империи.

Маленький, незаметный человечек, с выдающимися скулами, тщательно одетый, Куусинен казался чужаком в московских коммунистических кругах. Его благовоспитанные манеры и показные улыбки не вязались с разгильдяйством и бесцеремонностью, господствовавшими в этой среде. Его робость еще усиливалась недостатком речи: он слегка заикался. Его писания и речи были бесцветны и скучны, как его внешний вид: он напоминал мелкого чиновника или провинциального протестантского пастора.

В те годы Куусинен был одним из пяти секретарей Комин-

терна, и пост этот поглощал его целиком, оставляя ему лишь весьма мало времени для участия в жизни финляндской компартии. Он стоял во главе двух важных бюро Коминтерна — англо-американского и восточного, но не стоял во главе польско-балтийского, в ведении которого находились финляндские дела. Тому были основательные причины: деятельность Куусинена в Финляндии была, с коммунистической точки зрения, не блестящей.

В финляндском социалдемократическом движении Куусинен дебютировал в 1905 году, двадцати четырех лет от роду, в качестве молодого доцента, читавшего в Гельсингфорском университете курс эстетики. В 1907 году он стал редактором центрального органа финляндской социалдемократической партии «Тюомиес» («Рабочий»). Выбранный в 1909 году в сейм, он заседал в нем без перерыва до 1918 года. Он принадлежал к более умеренному крылу финляндской социалдемократии.

В 1918 году в Финляндии вспыхнуло революционное движение. Во главе его стоял Совет Народных Уполномоченных, составленный из социалистов; Куусинен в нем участвовал в качестве Уполномоченного по народному просвещению, не играя заметной роли. Впоследствии он заявлял, что финляндские революционеры «погубили» свою революцию, так как «были социалдемократами, а не большевиками», и, следовательно, «не умели бороться».

В августе 1918 г., после поражения финляндской революции, Куусинен, вместе с некоторыми другими эмигрантами, основывает в России финляндскую Коммунистическую Партию и остается с тех пор бессменным членом ее Центрального Комитета.

В 1930-31 гг. финляндская партия попадает в переделку. Движение фашистского характера, так наз. «лапуасское», заставляет парламент объявить коммунистическое движение вне закона. Неспособная организовать хоть какое-либо сопротивление, финляндская компартия рушится самым жалким образом. Часть ее вождей бежит в Россию, другие становятся жертвами репрессии. Успехи, о которых столько говорили доклады ЦК финской компартии, оказываются блеффом. Интернационал снимает с постов членов ЦК, признавая их недостойными и неспособными.

А Куусинен? Куусинен дипломатически отмалчивается. Это его обычный метод. Когда надо занять позицию в трудной ситуации, Куусинен заявляет с ученым видом, что вопрос еще недостаточно изучен, что его надо отложить. «Надо отложить» — это выражение стало его кличкой в коминтернских кругах. Откладывание это может длиться недели, месяцы, целые годы; что из того? Куусинен должен проработать проблему. Но достаточно Сталину высказаться, как Куусинену в ту же минуту все становится ясным. И тогда он предъявляет плоды своих долгих размышлений, которые — счастливый случай — самым удивительным образом совпадают с указаниями, преподанными свыше. Этот метод не ему одному свойствен, его практикуют все руководители Коминтерна, но Куусинен делает это с особым мастерством.

Вот это-то свойство — полнейшее отсутствие независимости, слепое послушание — и объясняет восхождение Куусинена по ступеням коммунистической иерархии. С изумительной интуицией он заранее чувствует победителя и спешно покидает лагерь побежденного, не забывая на прощанье лягнуть его. Куусинен во время отхода от влиятельного начальства — от Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других — и никогда не принадлежал ни к какой оппозиции. По сравнению с этим основным достоинством его, недостатки уже в счет не идут. Коммунизм терпит поражение в Финляндии? Не беда, — в нужную минуту вселослушание Куусинена все поправит!

Эта минута наступила в ноябре 1939 г.

Андрэ Мартэн.

ИЗ ПАРТИИ

В ЗАЩИТУ ФИНЛЯНДИИ

Получив препровожденный ему текст резолюции «В защиту Финляндии», принятой Заграничною Делегациею РСДРП в заседании 30 ноября (см. предыдущий номер «С. В.»), финляндский посланник во Франции обратился к т. Дану с следующей телеграммой:

Весьма тронут выраженными Вами симпатиями к моей стране, ставшей жертвой неоправданного нападения. Примите мою живейшую благодарность.

ХОЛМА, министр Финляндии

ГЕОРГ ВИЗЕР

Еще не все ноябри миновали *)

11 ноября Франция и Англия празднуют годовщину перемирия 1918 года, свою победу над императорской Германией. 9 ноября 1918 г. была провозглашена германская республика; старые господствующие силы, разложенные и неспособные к сопротивлению, трусливо попрятались перед лицом народного гнева. 12 ноября 1918 г. в ходе колоссальной манифестации венских рабочих перед парламентом была провозглашена австрийская республика. За год до того, 7 ноября 1917 года, большевики захватили власть в России.

Ноябрь, как кошмар, навис над национал-социалистическими властелинами. Для них это отнюдь не только воспоминание о карикатурной Гитлеровской революции 9 ноября 1923 года в погребившие одно из мюнхенских пивоваренных заводов. С ноябрем у мучителей германского и австрийского народа связан страх перед революцией грядущей. Второго ноября 1918 года не будет и не должно больше быть, — не перестают возглашать национал-социалисты, непрерывным повторением этого, продиктованного страхом, лозунга выдавая свое тайное опасение, что кровавая авантюра, в которую вверх гитлеризм Германию и весь мир, может привести, как и в 1918 году, к краху, к низвержению насильственной власти революцией в Германии. Ноябрьский комплекс коричневых палачей является выражением их неуверенности, одним из внешних признаков внутреннего напряжения, окрашивающего всю жизнь Третьего Рейха.

**

Наступит ли новый ноябрь 1918 года? Закончится ли эта война германским крахом? Германская революция, революция германского народа против Гитлера, надежда миллионов людей в Германии, в Австрии, в Чехословакии, в Польше, надежда свободолюбивых людей во всем мире, — когда и как станет она действительностью?

Вот великий вопрос, который не только с началом этой войны стал жгучей проблемой европейского будущего. Вопрос о германской, анти-нацистской революции — это великий вопрос современности о том, когда же мир будет освобожден от строя, грозящего перенести и на весь прочий мир свои варварские методы, надругательство над человеческим достоинством, подавление рабочего движения, современное рабство принудительной работы.

Через два месяца войны никто еще не может конкретно представить себе, как произойдет крушение Гитлеровского режима. Но никакого сомнения не может быть в том, что эта война равносильна для него прыжку в пропасть, что с развязыванием тех колоссальных экономических и социальных перемен, которые как раз в Третьем Рейхе неминуемо вызовет война, и с той внутренней расшаткой и ростущим разложением, которые явятся ее неизменными спутниками, началось вступление на путь, к концу которого миллионы людей ожидают низвержения Гитлера.

Но все же имеются консервативные силы — и не только в самой Германии, — которые с радостью увидели бы низвержение Гитлера и даже готовы были бы содействовать ему, но которые в то же время строят все свои политические расчеты на том, чтобы устранить Гитлера и все же избежать революции, той подлинно освободительной революции, которая по нашему мнению одна лишь способна создать основу для построения подлинно мирной Германии, свободной от экспансионистских поползновений.

Таким образом многие весьма влиятельные лица и целые классы населения склонны подходить к проблеме ведения войны и военной пропаганды, к вопросу о будущем устройстве Германии с точки зрения того, как предотвратить коренные социальные перемены в Германии, как вызвать крушение Гитлера, не вызывая, как его последствие, революции в Германии. Так многие подпадают под власть идеи, что возможно будет в подходящий момент превратить консервативные силы Германии в мощный политический и социальный противовес нынешним властителям; что руководители хозяйства и генералы могли бы накопить достаточно силы, чтобы свергнуть Гитлера и самим стать участниками строительства новой Европы. И в самой Германии имеются, несомненно, круги, снова начинающие увлекаться, казалось бы, угасшей уже иллюзией о «диктатуре рейхсвера» после Гитлера: задача состоит-де в восстановлении той приличной, консервативной Германии, которая во второй половине девятнадца-

того века и в первом десятилетии двадцатого была опорой консервативного капитализма в Европе.

Не первый раз консервативные силы внутри Третьего Рейха и во вне возлагают свои надежды на политическую и социальную крепость консервативных, не-нацистских групп в Германии. Перед 1933 годом они рассчитывали на Пауна и Шлейхера, после 1933 ставили ставку на Шмидтов и Шахтов, на Фричей и Бломбергов, а в результате — последовательная тоталитарность национал-социализма сметала все консервативные силы, а власть господствующей коричневой клики еще более укреплялась.

Создаст ли война новые возможности для этих сил, прежде всего — для генералов, не считаясь с желаниями которых страна, ведущая войну, не может? И действительно ли способны эти консервативные силы утихомирить революционные тенденции в Третьем Рейхе, смягчить становящиеся все более невыносимыми противоречия его внутреннего уклада и построить режим консервативной диктатуры, пытающейся проделать постепенно и спокойно процесс обратного развития? Мыслим ли такой социальный и политико-силовой опыт в завтрашней Европе — после войны, во всяком случае достаточно длительной, чтобы убедить и Гитлера, и его предполагаемых антагонистов в консервативном лагере в ее безнадёжности?

Режим, подобный национал-социалистическому, не может в один прекрасный день добровольно сойти со сцены. В этом смысле наши права, утверждая, что нового ноября 1918 года быть не может: Гитлер не найдет нового принца Макса Баденского, а этот принц Макс не нашел бы нового Эберта, которому он мог бы мирно вручить власть. Ибо национал-социализм разбил все организованные общественные силы. В этом и состоит различие между национал-социалистической диктатурой и императорским полуабсолютизмом 1918 года, который к тому же начинал продлевать развитие в сторону демократии: тоталитарному режиму может быть только тоталитарный конец. Но если бы даже — чего мы не думаем — было мыслимо, что Гитлер когда-либо добровольно сойдет со сцены: где те силы, которым он мог бы передать власть? Мир не знает до сих пор ни одного примера исчезновения диктатуры, подобной национал-социалистической в Германии, но ни в коем случае невозможно представить себе, что Гитлер в один прекрасный день сможет «подать в отставку», как любой демократический министр, не вызывая при этом большей смуты, чем то бывает при всяком переходе правительственной кризисе. И убедившись в безнадёжности войны и неминуемости «нового ноября», нацистские вожди не ушли бы и не выпустили власти из рук. Быть может, они придумали бы новую «хитрость северян» и разыграли бы комедию смены правительства — ну, хотя бы затем, чтобы дать людям, довольствующимся видимостью, якобы нового партнера для переговоров. Но не может быть и речи о том, чтобы они при этом отказались от своего, всю Германию охватывающего партийного и силового аппарата. В действительности нельзя представить себе даже такую мнимую смену правительства с добровольного согласия Гитлера.

Таким образом единственный шанс консервативным силам в Германии и тем, кто вне ее желает такой консервативной Германии, мог бы дать государственный переворот на верхушке германского правительственного аппарата: тщательно продуманный частичный переворот, дворцовая революция, которая поставила бы на место Гитлера какого-нибудь Браухича и на место Геринга какого-нибудь Борзига. В определенных военных и политических условиях такой переворот не исключается, он во всяком случае не представляется абсолютно немисляемым. Возможность такого переворота делается еще более реальной благодаря английской пропаганде, официальным заявлениям английских государственных людей, непрерывно подчеркивающих, что Великобритания готова заключить мир со всяким другим кроме Гитлера, и что условия такого мира отнюдь не были бы повторением Версаля; наоборот, они открыли бы Германии — после исправления несправедливости, причиненной Чехословакии и Польше, — известные экономические возможности в рамках сотрудничества с либерально-капиталистической Европой.

Но было ли такое правительство, вышедшее из дворцовой революции, в состоянии предупредить или пресечь новый ноябрь, подлинную революцию против национал-социалистического режима? Конечно, Чэмберлен и стоящие за ним, ныне экономически решающие силы постарались бы выполнить свои обещания и открыть такой Германии известные

*) Мы заимствуем статью тов. Г. Визера из № 22 «Дер Социалистиче Кампф» от 4 ноября, парижского органа австрийских социалистов.

возможности в мировом хозяйстве и мировой политике. Но успеху таких попыток противодействовал бы ряд неустрашаемых экономических факторов и неизбежных социальных последствий войны.

Первый из этих факторов таков: после ряда лет ужасающего порабощения и тем более после ряда лет усиленного военного зажима только не останавливающийся ни перед какими жестокостями террор национал-социалистического аппарата мог бы сдержать широкие массы пролетаризованного германского народа. Замена же Гитлеровского режима консервативными силами должна была бы сопровождаться хотя бы частичным разрушением и разложением этого аппарата. Но, раз начав разрушение этой ужасной машины, — кто сможет остановить его?

Вторым решающим фактором противодействия этим попыткам возрождения консервативного капитализма в Германии было бы колоссальное обнищание, вызванное чудовищными вооружениями, хищничеством автаркического хозяйства и сверх всего войною. Преодолеть это обнищание можно было бы лишь совершенно иными методами, чем те, которые могла бы пустить в ход диктатура генералов и крупно-капиталистических трестовиков. И как бы теоретически основательны ни были расчеты такого правительства на поддержку всех капиталистических сил Европы, — не надо забывать, что после войны ни одна европейская страна не сможет так просто оказывать экономическую помощь другим странам.

Третий фактор, который приходится иметь в виду в этой связи: чем дольше будет длиться война, тем труднее будет предпринять такой социально-консервативный эксперимент в Германии. Оказался ли бы социальный остов Германии и сейчас еще достаточно прочным для такой попытки, — большой вопрос. Но, чем больше будет продвигаться процесс социального распада Третьего Рейха в ходе войны, тем невероятнее будет становиться успех такой попытки разрешения квадратуры круга — низвержение Гитлера без революции, т. е. возможность пресечь дальнейшее социально-революционное развитие.

В сущности, такая попытка означала бы лишь продолжение той политики, которая уже потерпела крушение, поскольку динамика Гитлеровских завоеваний обрекла на неудачу все старания сохранить мир. Мюнхен был самым ярким выражением и в то же время кульминационным пунктом политики, стремившейся, из-за опасения социальных и экономических последствий войны, предотвратить ее, можно сказать, любой ценою и включить консервативную Германию, хотя бы пока что и под руководством Гитлера, в общую систему консервативного мира. Этот план потерпел крушение, как должны были потерпеть крушение попытки, удовлетворяя часть империалистических притязаний Третьего Рейха, побудить его к заключению соглашения о частичном разоружении и т. п. Динамика Гитлеровской экспансии оказалась в этом случае неудержимой. В высшей степени вероятно, чтобы эту динамику, развязавшую войну, вопреки всем попыткам западных держав сохранить мир, удалось затормозить в ходе самой войны раньше, чем тоталитарная война не исчерпает все свои средства и не выявит всех последствий.

Таким образом, надежды консервативных кругов в Германии и вне ее на возможность ее консолидации на консервативной основе являются ничем иным, как продолжением политики, делавшей Третьему Рейху после милитаризации Прирейнской области одну уступку за другой, чтобы предотвратить войну, и в конце концов все же разбившейся о факт гогов-германского империализма. Но в результате шансы политики, возлагающей надежды на сохранение социально-консервативной Германии, еще уменьшились, так как ныне господствуют законы войны со всеми их необозримыми последствиями для Третьего Рейха.

Эти законы должны будут продолжать действовать в дальнейшем, хотя бы наличная военная и политическая ситуация, означающая в сущности, что война уже проиграна нацистами, и благоприятствовала в некоторых отношениях консервативным кругам Германии. Не исключена возможность, что они сумеют временно и воспользоваться этим благоприятным стечением обстоятельств (хотя наши заранее устранили или истребили их политических вождей — Шлейхеров, Фричей и Бломбергов). Но крах национал-социализма и его силового аппарата, потрясения, которые неизбежно вызовет проигранная война, массовая энергия, которая прорвется в этот момент, — все это должно будет толкать Германию все дальше по пути, ведущему к новому ноябрю: Гитлер сделал продвижение германской революции неудержимым.

Конечно, в одном отношении наци правы: нового ноября со всеми ограничениями и половинчатостями первого больше не будет. Новый ноябрь будет совсем иным! Он наступит после того, как нацизм подверг германский народ чудовищному порабощению; после нескончаемых кровавых жертв, которые возложит на германский народ Гитлеровская война; после коренных изменений в хозяйственном строе Германии;

после разрушения всех организованных общественных сил: в том новом ноябре не будет уже больших партий с разветвленным партийным аппаратом, который некогда играл роль как бы буфера, перехватывавшего и смягчавшего удары стихийного народного движения. При таких условиях, после всех переворотов, произведенных нацистами, тотальное порабощение германского народа должно будет смениться в этом грядущем ноябре его тотальным освобождением. Лишь этот новый ноябрь создаст условия для мирного включения германского народа в федеративно организованную для длительного мира Европу. Этот новый ноябрь придет вопреки Гитлеру или вопреки его соратникам, исползователям и преемникам. Он освободит германский народ и все другие народы, стоящие ныне под властью Гитлера. Лишь этот новый ноябрь обеспечит всесветный мир. Еще не все ноябри миновали!

СЪЕЗД НОРВЕЖСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Заемствуем из «Полюер» (4 декабря) сообщение о состоявшемся в ноябре съезде Норвежской Рабочей Партии.

«Норвежский рабочий класс солидарен со всеми силами, борющимися в мире за демократию и свободу, и в первую очередь — с социалистическими партиями всех стран».

Этими словами заканчивается резолюция, принятая съездом Рабочей Партии, который заседал в Народном Доме Осло 3—5 ноября в составе почти 500 делегатов.

Съезд чрезвычайно интересен. В северных странах партийные съезды — вообще не частое явление, т. к. они обычно собираются лишь раз в три года. А это был к тому же съезд партии, уже почти пять лет стоящей у власти; партии, имеющей широкую базу в стране, где за нее голосует около половины всех избирателей, и осуществляющей самое тесное сотрудничество со всеми профессиональными, кооперативными и культурными организациями рабочего класса. Переживаемые же события придали этому съезду особый интерес.

Съезд выразил прежде всего свою волю продолжать и довести до конца дело правительства Нюгаардсвольда. Здесь невозможно даже вкратце перечислить социальные и экономические реформы, которые уже проведены в жизнь и в самых разнообразных отношениях глубоко преобразовали норвежскую жизнь.

«Ныне, когда буря бушует над миром, мы, норвежские социалисты намерены, продолжать править государственным кораблем этой страны и вести его в добрую гавань», заявил министр-президент, отвергая тем самым всякую мысль о «священном единении», проповедуемом консерваторами.

С таким же единодушием осудил съезд советскую политику. Об этом свидетельствует прием, оказанный представителю финляндской социалдемократии, и еще ярче — широкая дискуссия по вопросу об изменении партийного устава. В этих изменениях говорится определенно: «партия, строящаяся на основах марксизма... единодушно отвергает диктатуру во всех ее формах».

Это — совершенно новый язык, если подумать, что партия, принадлежавшая с 1920 по 1924 год к Коминтерну и питавшая еще до последнего времени сильные симпатии к Советам, провозглашает ныне невозможность отделить социализм от демократии.

Партия категорически подчеркнула также, что, если она желает «сохранить Норвегию в стороне от войны», то все ее симпатии — на стороне демократических сил, борющихся против диктатуры.

С ее точки зрения, задача северных стран и, особенно, социалистических партий этих стран — по возможности избрать участия в войне. Их задача состоит в подготовке мира, «который можно было бы наконец обосновать на справедливости и праве». Момент для такого мира еще не наступил, потому что, как сказал один из лидеров партии, выражая общее мнение: «мы, конечно, хотим мира, но не любого мира, не мира Гитлеровского».

Работать для этого мира, как и для обновления Европы — вот, по мнению Норвежской Рабочей Партии, непосредственная задача северных стран.

От редакции. За недостатком места откладывается до следующего номера окончание статьи Р. Абрамовича: Война и мир.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ВЕСТНИКУ“ за 1939 год

	№ №	Стр.		№ №	Стр.
I. МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. (Социалистический Интернационал. — Общие вопросы).			5. ШВЕЦИЯ.		
В Рабочем Социалистическом Интернационале:			50-летие шведской социалдемократии.		
Сессия Исполкома.	1/2	17	6. ИТАЛИЯ.		
Ф. Дан. К Сессии Исполкома РСИ.	1/2	18	Дискуссия в итальянской партии.		
Эмиль Вандервельде (некролог).	1/2	1	А. Росси. Итальянский народ и война.		
В Рабочем Социалистическом Интернационале:			7. ШВЕЙЦАРИЯ.		
Заседание бюро РСИ.	6	78	Съезд швейцарской социалдемократии.		
Майское воззвание Рабочего Социалистического Интернационала.	7/8	81	8. ИСПАНИЯ.		
А. Штейн. К полувековью Первого Мая.	7/8	97	Испанская трагедия и европейск. демократия.		
Р. Абрамович. Реформа Интернационала?	9/10	119	Ф. Дан. К гибели испанской республики.		
В Рабочем Социалистическом Интернационале:			Социалистическая молодежь Испании и СИМ.		
Сессия Исполкома РСИ. Заседание Бюро.	9/10	122	9. ГОЛЛАНДИЯ.		
Памятник Отто Бауэру.	9/10	125	Съезд голландской социалдемократии.		
Ф. Дан. Конгресс французской партии.	11	130	10. ПОЛЬША.		
Ф. Дан. Нелегальные времена.	12	155	Польско-германские антагонизмы.		
В Рабочем Социалистическом Интернационале:			Григорий Аронсон. Бодрые вести с берегов Вислы.		
Сессия Исполкома РСИ. Заседание Бюро.	12	157	Странник. С оккупационной армией в Польше (у советского радио).		
С. Шварц. «Русский вопрос» на международном конгрессе профсоюзов.	13	168	С. Шварц. Украинско-белорусская «весна».		
60-летие Фридриха Адлера.	13	172	Р. А. Поход Гитлера и Сталина против социалистов.		
Воззвание британских рабочих к немецкому народу.	13	175	А. Кобер. Судьбы Польши.		
Ответ германской социалдемократии британским рабочим.	13	176	11. ВЕНГРИЯ.		
Р. Абрамович. Проблемы пролетарской военной политики.	13, 14/15	164, 178	Антисемитизм в Венгрии.		
Внешняя политика английской рабочей партии.	14/15	179	12. НОРВЕГИЯ.		
С. Шварц. Восьмой конгресс М.Ф.П.С.	14/15	193	Новая программа норвежск. рабоч. партии.		
Социалистическая молодежь Испании и СИМ.	14/15	198	Съезд норвежской партии.		
О советско-германском пакте. Воззвание ЗД РСДРП.	16	202	13. ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ.		
Ко всем членам партии. — Обращение ЗД РСДРП по поводу войны.	16	201	Г. Борьба против гитлеризма в Прибалтике.		
Отклики Международного социализма на пакт.	16	213	Письмо из Эстонии.		
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух). № № 16, 17, 18, 19/20, 21/22, 23/24; стр. 206, 218, 226, 242, 258, 278			Арест Лоренца в Риге.		
Р. Абрамович. Сталин и Мировая революция.	17	220	Андрей Петрович (некролог).		
Отто Вельс (некролог).	17	224	Г. М. Балтийский узел. № № 21/22, 23/24; 266, 286		
Фридрих Адлер. И все же — минута воспоминания.	18	226	14. ПАЛЕСТИНА.		
С. Шварц. Европейский коммунизм после 23-го августа.	18	235	Григорий Аронсон. Палестинский клубок.		
Ж. Жиромский. О программе мира.	18	239	Виктор Мандельберг. Новая английская политика в Палестине.		
Воззвание Социал. Интернационала молодежи.	19/20	242	15. БОЛИВИЯ, УРУГУВАЙ.		
В защиту Финляндии. — Постановление Загр. Делегации РСДРП. № № 21/22, 23/24; стр. 257, 292			В Южной Америке.		
Р. Абрамович. Война и мир.	21/22	260	III. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.		
Ф. Д. Новый Год и «новый мир».	23/24	273	Р. Абрамович. Война и мир на пороге Нового Года.		
II. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОБЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ.			Испанская трагедия и европ. демократия.		
1. ФРАНЦИЯ.			Ф. Дан. СССР: международное и внутр. положение.		
Ф. Д. На Совете французской социалистической партии.	4/5	60	А. Горский. Современный антисемитизм.		
Ф. Дан. Конгресс французской партии.	11	130	Ф. Дан. К гибели испанской республики.		
Ж. Жиромский. О программе мира.	18	239	Р. Абрамович. Может ли Германия победить в предстоящей войне. № № 4/5, 6; стр. 58, 76		
2. ГЕРМАНИЯ. АВСТРИЯ.			А. Штейн. Польско-германск. антагонизмы.		
Р. Абрамович. Может ли Германия победить в грядущей войне. № № 4/5, 6; стр. 57, 76			На волосок от войны.		
А. Штейн. Польско-германские антагонизмы.	4/5	59	Р. Абрамович. Новый зигзаг.		
Аустриакус. Позиция австрийских социалистов.	9/10	109	Ф. Дан. Еще о внешней политике Сталина.		
Ответ германской социалдемократии британским рабочим.	13	176	Ф. Дан. Формулы и реальности.		
Г. Визер. Еще не все ноябри миновали!	23/24	293	Р. Абрамович. Недомыслие или двусмысленность.		
3. АНГЛИЯ.			Р. Абрамович. Европа и Азия.		
Английская Рабочая партия о «Народном фронте».	4/5	62	Ф. Дан. Неудавшийся пакт.		
Воззвание британских рабочих к немецкому народу.	13	175	Р. Абрамович. Проблемы пролет. воен. политики I.		
Внешняя политика английской рабоч. партии.	14/15	179	Ф. Дан. На грани войны и мира.		
4. С. А. С. Ш.			Р. Абрамович. Проблемы пролетарской военной политики II.		
Переговоры о социалистическом единстве.	7/8	99	Р. Абрамович. Мировая война № 2.		
А. Ш. Американский закон о нейтралитете.	9/10	123	Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух) I.		
			М. Кефали. Новая мировая бойня и русский рабочий класс.		
			С. Шварц. Подготовка германо-совет. сближения.		
			Ко всем членам партии. Обращение ЗД РСДРП.		
			О советско-герман. пакте. Воззвание ЗД РСДРП.		
			О нападении Сталина на Польшу. Резол. ЗД РСДРП.		
			Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух) II.		
			Р. Абрамович. Сталин и мировая революция.		
			Л. Блюм. О сталинской политике.		

	№ №	Стр.		№ №	Стр.
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух) III.	18	226	В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 4. Михаил Шолохов.	6	73
Р. Абрамович. Намерения и дела Сталина.	18	228	В. Александрова. Философия совет. искренности.	7/8	95
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух) IV.	19/20	242	В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 5. Борис Пильняк.	9/10	116
Р. Абрамович. На разные темы.	19/20	244	В. Александрова. «Трибуна противнику».	12	152
С. Шварц. Украинско-белорусская «весна».	19/20	245	В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 6. Илья Эренбург.	13	166
А. Югов. Блокада и недостаток сырья в Германии. Полезные напоминания.	19/20	252	В. Александрова. Вторая действительность.	14/15	192
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух) V.	21/22	258	В. Александрова. Второе рождение.	18	232
Р. Абрамович. Война и мир.	21/22	260	В. Александрова. Голоса современников.	19/20	249
А. Кобер. Судьбы Польши.	21/22	263			
И. Греков. «Культурное сотрудничество».	21/22	268			
С. Шварц. Молотов-Димитров-Гитлер.	21/22	269			
Ф. Д. Новый Год и «новый мир».	23/24	273			
Р. Абрамович. Внешняя политика советского правительства и Балтийский узел.	23/24	275			
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух) VI.	23/24	278			
Б. Николаевский. Сталин и Гитлер в последние дни августа 1939 г.	23/24	280			
С. Шварц. Ответственность за Польшу.	23/24	283			
С. Ш. Нападение на Финляндию.	23/24	290			

IV. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

С. Шварц. Реакция переходит в наступление.	1/2	4
Ф. Дан. СССР: междунар. и внутр. положение. Перед с'ездом.	3	26
А. Югов. Еще о третьей пятилетке.	4/5	41
Ф. Дан. Итоги с'езда.	4/5	47
Ф. Дан. «Тайная политика».	6	68
С. Шварц. Восьмой пленум ВЦСПС.	9/10	108
С. Ш. Перед третьей сессией Верховного Совета.	9/10	114
И. Греков. Стабилизированный тупик.	11	132
Ф. Дан. К сессии Республ. Верх. Советов.	14/15	182
М. Кефали. Новая мировая бойня и русский рабочий класс.	16	208

V. ТЕРРОР В СССР.

Григорий Аронсон. Разгром еврейск. коммунистов.	4/5	63
Р. А. Поход Гитлера и Сталина против социалистов.	19/20	255

VI. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА.

А. Югов. План третьей пятилетки.	2	31
А. Югов. Еще о третьей пятилетке.	4/5	47
Р. Абрамович. Может ли Германия победить в предстоящей войне I, II. № № 4/5, 6; стр. 57,	7/8	91
А. Югов. Благополучие и рост населения.	7/8	91
С. Шварц. Между городом и деревней.	7/8	93
С. Ш. Осуществлена ли вторая пятилетка?	7/8	101
А. Югов. Бедняки и миллионеры.	9/10	111
А. Югов. Ответ на вопросы (Советская власть и крестьянство).	12	147
А. Югов. Производительность труда в колхозах.	14/15	189
А. Югов. СССР, как поставщик воюющей Германии.	18	229
А. Югов. И дубьем и рублем (Новый с.-х. налог).	21/22	262

VII. ПРОФДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

С. Шварц. Реакция переходит в наступление.	1/2	4
С. Шварц. Наступление разворачивается.	3	36
С. Шварц. На трудовом фронте.	4/5	52
С. Шварц. Заработная плата на пороге третьей пятилетки.	6	68
А. Югов. Благополучие и рост населения.	7/8	91
С. Шварц. Восьмой пленум ВЦСПС.	9/10	114
С. Шварц. «Русский вопрос» на международном конгрессе профсоюзов.	13	168

VIII. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ И БЫТА.

В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 2. Михаил Зощенко.	1/2	10
В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 3. Лидия Сейфуллина.	4/5	55

В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 4. Михаил Шолохов.	6	73
В. Александрова. Философия совет. искренности.	7/8	95
В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 5. Борис Пильняк.	9/10	116
В. Александрова. «Трибуна противнику».	12	152
В. Александрова. Литературно - революционные портреты: 6. Илья Эренбург.	13	166
В. Александрова. Вторая действительность.	14/15	192
В. Александрова. Второе рождение.	18	232
В. Александрова. Голоса современников.	19/20	249

IX. ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА.

Григорий Аронсон. Реформа РСИ и критика слева.	14/15	196
О. Доманевская. Германско-советский пакт.	18	237
В. Александрова. Старые споры и новые факты.	21/22	271

X. ПИСЬМА ИЗ РОССИИ, СВОДНЫЕ ОБЗОРЫ И МАТЕРИАЛЫ.

Г. Н. Грамматикопуло. К загадкам московских процессов: №№ 1/2, 3, 4/5; стр. 5, 28,	5, 28,	44
Х. Письмо из Москвы.	3	39
С. Ш. ВКП на 18-ом с'езде.	6	79
С. Ш. Осуществлена ли вторая пятилетка.	7/8	101
С. Ш. Перед третьей сессией Верх. Совета СССР.	9/10	126
С. Ш. Третья сессия Верх. Совета СССР.	11	142
С. Ш. К итогам переписи населения СССР.	12	158

XI. ИЗ ПАРТИИ.

Совещания при ЗД РСДРП 14-16 января 1939.	1/2	24
Постановление ЗД РСДРП о сборах. № № 6, 7/8; стр. 80,	9/10	104
75-летие Б. А. Членова.	9/10	128
Отчет о сборах в фонд «С. В.». № № 9/10, 11; стр. 128,	16	144
Ко всем членам партии. Обращение ЗД РСДРП по поводу начавшейся войны от 31 августа.	16	201
О советско-герм. пакте. Воззвание ЗД РСДРП от 24 августа.	16	202
К подписчикам и читателям «Соц. Вест.».	16	215
О нападении Сталина на Польшу. Резолюция ЗД РСДРП, от 19 сентября.	17	217
В защиту Финляндии. Постановление ЗД РСДРП, от 30 ноября.	21/22	257
В защиту Финляндии.	23/24	292

XII. РАЗНОЕ.

Григорий Аронсон. Сталинский процесс против Мартова.	7/8	84
Л. Агренев. Дар предвидения.	9/10	119
75-летие Луизы Каутской.	14/15	199
Д. У счастливого недруги мрут (На смерть Раскольникова).	18	234
Мир после войны (Мнение Г. Уэллса).	18	239
И. Греков. «Культурное сотрудничество».	21/22	268
Свен Линдквист. Крепость у полярного круга.	21/22	269
В. Александрова. Эмигрантская радуга.	23/24	289
Андрэ Мартэн. «Господин Куусинен».	23/24	292

XIII. НЕКРОЛОГИ.

Эмиль Вандервельде (с портретом).	1/2	1
Адельгейда Попп.	6	79
Зигфрид Гансон.	7/8	100
Курт Левенштейн.	9/10	126
Самуил Пескин.	11	144
Андрей Петревич.	14/15	199
Н. С. Русанов.	14/15	200
Отто Вельс.	17	224

XIV. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

Письмо в редакцию от испанских волонтеров.	12	160
--	----	-----